

РОКОВОЙ РЕВАНШ

Лев Тахтаров

Лев Тахтаров

Роковой реванш

«Автор»

2026

Тахтаров Л.

Роковой реванш / Л. Тахтаров — «Автор», 2026

Эта книга о дружбе. Полицейские, мафия и бывшие боксеры. Эта книга основана на реальных событиях и ситуациях из жизни.

© Тахтаров Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

4. Тонни Скиолаччи.	14
8. Корреспондент.	23
10. Счастливый отец.	29
11. Встреча.	31
12. Гранд Каньон.	34
13. День рождения.	37
14. Наутро.	42
15. Чип и Дэйл.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лев Тахтаров

Роковой реванш

Роковой реванш.

Лучшая часть нашей жизни состоит из друзей.

Авраам Линкольн.

1.Большой Майк.

Большой темнокожий афроамериканец, так теперь принято говорить, шел по Нижней улице в сторону Пятой, мельком проглядывая заголовки утренней газеты. Издалека он выглядел очень угрожающе, высокий, широкий в плечах, бритый наголо до блеска, в черном длинном плаще, черных брюках и черных начищенных до блеска туфлях, короче, весь черный, включая носки и рубашку под плащом, только белье и душа его оставались под вопросом. Лишь, приглядевшись в лицо его, становилось понятно, что не такой уж он и страшный, глубоко посаженные глаза, большой приплюснутый нос, толстые губы, все лицо его светилось добродушием, и это он еще не улыбался.

На небольшом расстоянии за ним следовал еще один крупный мужчина, но выглядел он несколько наоборот. Среднего роста, очень плотный, коренастый, с длинными руками, чуть ли не до колен и толстыми кривыми ногами. Белое лицо его выглядело страшно, не только за счет грубых черт, как будто вырубленных топором, но и за счет сильно сломанного носа и старых шрамов, казалось, этим же топором и оставленных. Огромный безобразный шрам пересекал его лицо, идя ото лба, вниз наискось, сверху вниз, по краю носа, пересекая рот до подбородка. Даже его короткостриженные волосы не скрывали других многочисленных шрамов по всей его большой и явно твердой башке. Одет он был в легкую замшевую бежевую короткую куртку, синие джинсы и серые замшевые полуспортивные туфли.

Дул легкий ветерок, но небо было ясное, без единого облачка, день обещал быть жарким, как только солнце согреет асфальт, появившись из-за небоскребов Нью-Йорка.

Редкие прохожие почтительно здоровались с первым спутником, но не со вторым, видимо, потому что он не обращал на них никакого внимания. Ну и рожа, еще думали они, невольно отшатываясь.

Два подростка шли навстречу, оживленно о чем-то споря, быстро шагая и смотря лишь себе под ноги. Один, повыше ростом и, видимо, постарше, оживленно махал руками, что-то доказывая, второй махал головой в стороны, видимо, не соглашаясь. Они чуть не врезались в первого спутника, лишь в последний момент, увидев огромные черные ботинки перед опущенными носами, подняв головы к небу, испуганно отшатнулись.

Встречный, не видел их из-за развернутой газеты, но заметив какое-то движение краем глаза, опустил газету, улыбнулся им, и подняв ее обратно к лицу, обогнув опешивших подростков, зашагал дальше. Мальчишки остались стоять на месте, глядя ему вслед, еще громче заспорили, один из них еще больше замахал руками, что-то горячо доказывая.

- Чемпион, говорю тебе, это он, - горячился, который повыше.

- Да ну, - сомневался опять другой.

- Сам Майк Рубильник, провалиться мне на этом месте, - смахнув с головы свою шапку он махнул рукой, хотя бросить ее в доказательство о землю, но передумал, глядя на грязный асфальт с лужей грязи, оставив ее в руке.

- Да ну, - все равно протянул другой.

- Да, это он, - вдруг послышался за их спинами хриплый голос.

Обернувшись, они второй раз испугались за эту минуту, увидев гориллообразного, хоть и белого мужчину со страшным лицом со шрамом через все лицо сверху вниз.

- Хотите стать такими же сильными? – не дожидаясь ответа, он протянул им визитку, - Приходите в его школу бокса, тут рядом, за углом, - показал он пальцем в сторону движения и пошагал туда, куда показывал, следом за первым.

Мальчишки перестали спорить наконец, а остались стоять, смотря вслед, немного ошарашенные.

Не доходя немного до Пятой улицы, мужчины зашли в бар под названием Чемпион. Звякнул колокольчик над дверью, первый прошел сразу за стойку у бара, сев на высокий стул, самый дальний, у двери на кухню, второй сел за столик за его спиной, тоже последний, лицом к входной двери. Весь бар был для него, как на ладони, который был абсолютно пуст.

- Привет Майк, - раздался голос вышедшего из подсобного помещения бармена, высокого длинноволосого bruneta средних лет, сильно хромящего, один глаз его был перевязан черной повязкой, - Бобби, - махнул он рукой сидящему у окна. Оба лишь кивнули ему в ответ.

- Хозяин пришел, - крикнул бармен в сторону кухни, сам стал заниматься кофемашиной, поставив на барную стойку две большие кружки.

- Я же говорил тебе, Билли, не называй меня хозяин, сколько уже раз, - листая газету пробурчал Майк.

- Хорошо, хозяин, - улыбнулся тот в ответ.

- Бобби, ты слышал этого наглеца? - повысив голос, назад сказал Майк, продолжая листать газету.

- А я тебе давно говорил вышвырнуть его, - подал голос, наконец, второй здоровяк, поднимаясь, чтобы забрать свой кофе со стойки бара.

- Да я уже лет десять подумываю об этом, - пробурчал, недовольно, Майк.

- Да больше, - отозвался Билли-пират-бармен, все еще улыбаясь.

- Я имею ввиду, серьезно, - сказал Майк, хмуря брови, - Кстати, давно хочу спросить тебя, когда ты спишь, вообще? Я уйду поздно ночью, ты еще на работе, прихожу утром, ты уже на работе, как так? У тебя же семья еще есть.

- Семья моя здесь же и работает, ты же знаешь. А сон мой пропал давно, сразу после армии, - Билли стал разливать дымящийся, разносившим свой крепкий аромат кофе по кружкам.

- Кошмары не дают? – отложил Майк газету и в ожидании смотрел за процедурой разливания.

Бобби тоже стоял рядом, в ожидании кофе, вопросительно показал пальцем на газету, Майк подвинул по стойке ее ему.

- Да ну, какие кошмары? Я с ними справился давно, а вот с мочевым не могу, он меня будит постоянно под утро, как будильник, в одно время, а стоит мне проснуться, все, сон пропадает, хоть убей, не спится. Сначала мучился, пытался уснуть, потом эти попытки бросил, встаю, и иду на работу, что еще делать?

- Армия здесь причем? Продырявили тебе его, что ли? – спросил Майк, потянувшись за дымящейся кружкой.

- Да не, на земле часто спать доводилось, а в джунглях этих хоть и тепло, да дожди как зарядят в сезон, днем и ночью, вечно в луже просыпаешься, хоть и теплой. Хоть ссы не вставая, разницы никакой.

- Понятно, - кивнул головой Майк, - Это тебе наказание, за твою наглость.

В этот момент из кухни вышла высокая молодая красивая девушка с длинными черными волосами, с большим подносом в руках, заставленным тарелками.

- Здравствуйте, - поздоровалась она и стала расставлять тарелки с завтраком, сначала за барную стойку Майку.

- Привет, красавица, - просиял, увидев ее Майк, - Спасибо, дорогая.

- Пожалуйста, дядя Майк, - улыбаясь, расставив тарелки Майку, понесла она остальные за столик Бобби, так его все звали.

- Какой я тебе, к черту, дядя? Сколько раз можно говорить! - вознегодовал Майк, - Ну вся в отца, вот доиграетесь у меня, уволю всю вашу чертову семейку, - все-таки улыбаясь, пробубнил Майк, подвигая тарелки поближе, - Значит так, Флинт, приготовь завтра все бумаги, накладные, короче, все что нужно, ревизию будем делать.

- Опять? – продолжал улыбаться Билли, Флинт была одна из его кличек, к ней Майк обычно приступал ближе к вечеру или более злой, как сейчас, - Ты сколько раз уже говорил, а ревизии так и не было.

- На этот раз будет, уж поверь, вы меня достали уже, кофе подлей, и вилку дай, - прорычал Майк.

Завтрак его состоял из трех сэндвичей с маслом и сыром, яичницы из трех яиц и жирным беконом.

Завтрак Бобби был гораздо скромней и полезней, манная каша и тосты с маслом, много кофе. Покончив с завтраком и просмотрев газету до конца, еще одну, Майк отправился один, обратно, в отель Гранд.

Майк жил там очень давно, даже не смог бы посчитать сколько лет. Первый раз он заехал туда будучи уже профессиональным боксером, претендентом на первый свой чемпионский пояс на пару дней, перед боем, так как он был удачно расположен местом, относительно всех великих боев, зала Колизей, но удивительно, остался на всю, кажется, оставшуюся жизнь. Дальше он только переселялся из номера в номер, в зависимости от взлетов и падений своей спортивной карьеры, впрочем, она всегда лишь взлетала. Так что он хорошо знал все отличительные особенности чуть ли не всех номеров.

Как только он заехал в первый раз к нему в номер сразу прилетел хозяин отеля мистер Спенсер, миллионер, хозяин сети отелей по всему миру, не буквально прилетел, но тут же посетил с визитом и самой дорогой бутылкой виски, по мнению тогдашнего молодого претендента. Мистер Спенсер был горячий поклонник бокса, поэтому рад был познакомиться и тут же переселил его в номер люкс за счет отеля, Майк в то время еще со скрипом мог себе позволить такое проживание. С тех пор началась их взаимовыгодная дружба, так как настоящей между парнем из трущоб и родившемся отпрыском семьи миллионеров быть не может. Мистер Спенсер, с тех пор, всегда сидел в первых рядах его боксерских боев, так же был в курсе всех тонкостей предстоящих поединков, чем очень интересовался, будучи азартным клиентом букмекерских контор и делая ставки всегда по-крупному. А Майк, в свою очередь, жил бесплатно в его отеле.

Но не только этим ограничивалось их сотрудничество, тут еще непонятно, кто кому был должен. Конфликтные ситуации между администрацией отеля и постояльцами – неотъемлемая часть бизнеса, особенно, с богатыми клиентами. Постояльцы номеров люкс и выше чувствуют себя хозяевами жизни, потому ненавидят, когда им делают замечания какие-то там холопы, во всем, особенно в такой мелочи, как громкая музыка. Конечно, у отеля есть право вызвать полицию и конфликт будет исчерпан, но тем самым, в конечном итоге, они потеряют постоянных выгодных клиентов. Вот тут-то и выходит на сцену великолепный Большой Майк. Как только визит администратора и начальника охраны не помогают, посылают за Рубильником. Это его самая последняя боксерская кличка в ринге. Благо, найти его легко – отель, его бар, спортзал под баром, близлежащие бары по Пятой улице, это если очень уже поздно.

Теперь представьте – разгуливающая богатая компания, которая уже давно не обращает внимания на замечания соседей и администрации отеля. Стук в дверь.

- Ну, кто там еще?

- Кому неймется?

- Вася, пошли их на хрен.
- Да это уже копы, наверно.
- Ну и хули, пусть валят, наркоту мы уже съели.
- Ха-ха-ха.
- Закажи им еще, со склада улик.
- Точно, там моя еще должна быть.
- Ха-ха-ха.
- И девочек, у них всяко дешевле.
- Ха-ха-ха.
- Здесь негр какой-то, здоровый.
- Ну и что?
- Коля, разберись с ним.
- Вы че? Да это же Рубильник.
- Какой, мать твою, Рубильник, тебя че, прет еще так, Спица?
- Майк Тушите Свет. Сам Чемпион, провалиться мне на этом месте.
- Да ну?
- Не может быть, да отпусти ты меня, сучка.
- Точно, якорь мне в жопу, это же Большой Майк.
- Можно пожать вам руку? Проходите пожалуйста, присаживайтесь.
- Выпьете с нами? Быстро налей, лошара.
- Большой Майк, у нашего друга День Рождения, он был бы счастлив, если бы вы его поздравили.

- Это - сам Тушите Свет, Рубильник?
- Я сам в шоке.
- Можно ваш автограф?
- А можно с вами сфотаться?
- Спасибо большое, Большой Майк.
- Да вырубите вы эту музыку, наконец, ничего не слышно. Не видишь, с кем я говорю?
- Конечно, мы больше не будем. Спасибо вам большое. До свидания.
- Заходите в гости, пожалуйста.

Так улаживалось большинство конфликтов в отеле. Жаль, конечно, тех кто его не узнал. Там, чуть позади, всегда стоял Бобби.

Миллионеры хорошо умеют считать, поэтому, когда Спенсер узнал, что Майк платит за проживание Бобби, приказал не брать и с него тоже оплаты, тем более жил он в самом скромном, потому недорогом номере. Благо, что отец с детства учил сына управлять отелями и дал ему блестящее образование. Одним из главных уроков его было проверять счета и бухгалтерию лично, а не доверять наемным профессионалам. Только так мистер Спенсер обратил внимание на несколько лет постоянно занятый, пусть и скромный, номер.

После завтрака, Бобби, в свою очередь, как обычно, спустился в этом же здании расположенное полуподвальное помещение, там находилась небольшая школа бокса, где тренировались дети и подростки, абсолютно разного возраста и национальности.

Часто Майк заходил в эту школу, в течении дня, посмотреть за особо одаренными спортсменами и подсказать любому полезный совет, если замечал, что кто-нибудь совершает технические ошибки или просто подбодрить начинающих боксеров. Иногда, он проводил в зале несколько минут, часов, а иногда и весь день, он знал, что при его появлении ребята стараются вдвое усерднее.

Вечером они всегда встречались в баре, на тех же самых местах, где завтракали утром. Последний столик всегда был зарезервирован за ними, иногда, когда посетителей было мало,

Майк сидел за ним с Бобби, но как только народ начинал собираться в баре, Майк обычно пересаживался за стойку бара на крайний стул.

2. Обычный вечер.

Майк кивнул Билли, присаживаясь вечером за стойку, и махнул вверх указательным пальцем правой руки. Билли, одетый уже в вечерний наряд, налил ему одну порцию рома и положил два кубика льда.

Вечерний наряд Билли состоял из длинного зеленого кафтана с большим воротником и огромными отворотами, на старинный манер, большей, чем утром, черной повязки через один глаз и белой банданы с изображением черного черепа и костей. Иногда, ну это по праздникам, например, или если слишком веселая вечеринка, бандану заменяла большая черная треуголка с черным большим пером. Тогда все называли его Пиратом или Флинтом, не хватало лишь попугая.

- Привет, Чемпион, - тут же, буквально, влез на высокий барный стул рядом, пузатый невысокий человек неопределенного возраста в мятом черном костюме и сразу стал прилежно прикрывать свою лысину жидкой длинной прядью черных, явно крашенных волос, слева направо.

- Привет, Коротышка, - даже не покосившись, узнал его Майк.

- Эй, пират, налей двойной виски, или у вас только ром подают? Ха-ха, - хлопнул Коротышка ладонью два раза по барной стойке, думая, что шутка была удачной.

Билли подошел и молча налил ему.

- Ты видел вчера бой? – отхлебнув одним глотком половину, спросил Коротышка, выпрямляясь, стараясь быть выше.

Майк лишь кивнул, еле заметно, глядя на барную стойку.

- Как он его уложил, в седьмом раунде! Ты видел? А? Вот это был хук! Ну прямо как ты, в свое время, честное слово. А? Ты видел? – стараясь заглянуть Майку в лицо, быстро и громко затараторил, казалось, быстро захмелевший, Коротышка, быстро допивая свой стакан, оставляя в нем не успевший, даже слегка, подтаять лед.

- Эй, пират, - заорал он, хотя Билли был недалеко и уже ждал, - Налей еще.

Майк лишь потягивал маленькими глотками ром из своего бокала, не обращая на него внимания.

- Прямо, как ты, ну честное слово, помнишь Неистово? Какой же это год был? Ну, не помню, какой же это год был? Да не важно, помнишь, как он полетел тогда? Ха-ха, метров пять по воздуху, честное слово, я в третьем ряду сидел, все видел, прямо напротив меня, в первом же раунде, как всегда, - тараторил Коротышка, стараясь тянуться ближе к Майку в ухо, как будто он не слышал и потому не обращал на него внимания.

Билли подошел, налил Коротышке еще один двойной и устался на Майка с немым вопросом. Майк лишь поморщился и снисходительно махнул кистью правой руки, типа, пусть сидит. Тот сразу отошел по своим барменским делам.

- Да, были времена, а какие были бои? Вот, возьми хотя бы тебя, любо дорого посмотреть было, а? А сейчас уже не то, совсем не то, хотя хук вчерашний был хорош, очень хорош, - не унимался Коротышка, потягивая виски, но, хотя бы уже помедленнее и отвернувшись наконец от Майка, казалось, разговаривал он уже с барной стойкой, допивая второй стакан, поникнув и сгорбившись и от-того уткнувшись прямо в ее край.

Майк, допив свой стакан, пересел за стол к Бобби, предложив ему поужинать, а Коротышка так и остался разговаривать со стойкой, даже не заметив, что Майк ушел. Жидкая прядь волос его, так старательно уложенная недавно, прилизанная и призванная бесполезно закрывать его огромную уже лысину, упала прямо на собеседника.

- Что будешь? – спросил Бобби, вставая.

- Давай, стейк, как всегда, с салатом, - недолго думал Майк, - И водки сто грамм, - добавил он вслед уже направлявшемуся к стойке Бобби.

Бобби сделал заказ Билли и, вернувшись, поставил Майку еще одну порцию рома со льдом, со словами, - Подарок от заведения.

- Скажи хозяину спасибо, - улыбнувшись, парировал Майк.

Ужин им, минут через тридцать, принесла уже другая красавица, чем утром, пониже ростом, чуть постарше и с более пышными формами, короче сестра, старшая, сразу видно.

- Здравствуйте, - улыбаясь, сказала она, приближаясь, с огромным подносом с тарелками.

- Привет, красавица, - ответил Майк, неуклюже пытаясь ей помочь снять тарелку, а Бобби лишь кивнул, заметно только ему.

- Пожалуйста, не помогайте, а то все упадет, - увернулась от руки Майка она и расставила тарелки самостоятельно, начиная с одного края, потом с другого, а центральные в конце. Из кармана фартука достала графин с водкой и стопку, сразу ее наполнила. Ужин Бобби был сим-сим как у Майка, только без стопки.

- Вызови ему такси, - плотно поужинав и откидываясь назад, на спинку сиденья, сказал Майк, мотнув головой в сторону еле бубнившего, уже под стойку, Коротышки, - Адрес помнишь?

- Конечно, - ответил тот, - Я лучше его доставлю.

- Да, конечно, но только на такси, не хватало еще облевать мою машину, - ответил Майк, поднимаясь.

Бобби тоже встал и подошел к Коротышке, следом за Майком, казалось, приготовившись того поймать, если упадет, встав позади него.

- Эй, Коротышка, - заорал Майк, подойдя, к уже спящему Коротышке прямо в ухо, - Ты помнишь, как я уложил Неистового в первом раунде, здесь, в Колизее?

- Да, да, я во втором ряду сидел, он метров семь летел, как птица, - забубнил, просыпаясь, узнавая его, и заулыбавшийся сразу тот, машинально приглаживая пятерней волосы.

- Поехали ко мне, видео того боя посмотрим, у меня есть запись, ты рассчитался с Флинтом?

- Да, да, сейчас, - достав комок мятых денег из кармана и долго выбирая, кинул он на стойку столларовую купюру, - Поехали, Майки, конечно, с удовольствием. Какой это был хук, честное слово, он метров десять летел по воздуху, как птица, я-то видел, в первом ряду сидел прямо напротив, - забубнил тот, слезая, как с пальмы, с высокого, для него, стула.

- Сколько он должен? - спросил Майк Билли.

- За последнюю, - ответил Билли.

- Высчитай еще за такси и положи ему на депозит, сюрприз потом будет, - улыбнулся Майк своей идее. Неожиданно найденные забытые деньги всегда приятно, хоть и небольшие.

Бобби вовремя подхватил падающего Коротышку и потащил его на выход как тряпку за шкурку, а Майк занял свое прежнее место за стойкой, попросив чай.

Не успел он даже сделать глоток, как на освободившееся место Коротышки приземлился молодой высокий парень, спортивного телосложения, с ним подошли еще два таких-же крепких приятеля, но остались стоять рядом, обратив все свое внимание на Майка.

- Большой Майк, здравствуйте, разрешите угостить вас виски, из уважения? – начал присевший.

- Ну, а почему нет? Но только я предпочитаю дружить с Маккалайном.

- Вы слышали? – обратился парень к тут же, как из-под земли, появившемуся Билли, - Всем двойной.

Майк кивнул Билли, тот поставил перед собой четыре стакана, покидал в них по два кубика льда, взял бутылку Блю Лэйбла из-под барной стойки и стал наливать в стаканы, стоящие перед ним на полке пониже барной, по очереди, начиная со стороны парней. Майк смотрел

внимательно за этой процедурой, и как только три стакана были наполнены, Майк обратился к парням, - Ну что, парни, как поживаете? Спортom-то занимаетесь?

В этот момент Билли, глядя на парней, быстро поставил бутылку и взял стоявшую рядом точно такую-же и налил в четвертый. Его он поставил Майку, остальные парням.

- Да, конечно, - ответил сидевший на стуле парень, - Мы в футбол играем в одной команде, но бокс очень любим смотреть. Ваши бои - самые любимые.

- Я занимался боксом в школе, - добавил один из парней.

- Молодцы, - поднимая бокал, сказал им Майк, - Ну, за футбол, - приподнимая, предложил он им выпить, - Футбол, это хорошо, любой спорт, в принципе, прекрасен. Как вы думаете?

- Золотые слова, - вступил третий приятель в разговор, приподнимая стакан.

- Дядя Майк, разрешите вопрос, - сделав большой глоток, казалось, для храбрости, все-таки робко спросил сидевший, назовем его Лидер, потому как он им и являлся в этой компании, судя по всему.

- Валяй, - разрешил Майк.

- А правда, что вы не готовились к тому бою, ну с этим, Кровавым Робертом, а бухали, говорят, жестко накануне?

- Да нет конечно, что за бред, ну, недооценил его, было дело. Но не бухал, что вы? И вам не советую, разве что сегодня, - улыбнулся он и приподнял стакан, как бы предлагая сделать по глотку.

- А говорят, что вы у букмекеров, - начал говорить один из парней, молчавший до сих пор, но другой сильно толкнул его локтем в живот, - Заткнись, ты что, дурак?

Майк сделал вид, что ничего не слышал, а поставил с громким стуком пустой стакан на стойку, а Лидер повернулся и грозно посмотрел на заикнувшегося, затем сделал сигнал бармену, чтобы повторил Майку. Бокалы парней были еще наполовину то-ли полными, то-ли пустыми.

- А правда, что этот Роберт после того боя получил большие бабки и то ли спился, то ли снаркоманился и умер уже давно? – спросил, в свою очередь, третий приятель.

- Я не знаю, - пожал Майк плечами, беря со стойки второй стакан.

- Да не, я слышал он в тюрьме сидит, за убийство, - ответил ему Лидер.

- А правда, что вы ему реванш предложили, а он отказался? – все-таки задал вопрос третий участник, которого затыкали друзья только что, - Ни за какие деньги, говорят, ни согласился.

- Вот это правда, - кивнул Майк и услышал, - Порядок, - проходящего сзади, то ли фразу, то ли вопрос, Бобби на свое место за столик. Майк еле заметно кивнул не оборачиваясь.

- А еще, - начал опять третий, но Майк перебил его, вставая, - Ладно, парни, спасибо за виски, мне пора отлить и уладить кое-что по телефону, рад был поболтать, и протянул руку попрощаться каждому.

- Вам спасибо, дядя Майк. Вы наш кумир. До свидания, - затараторили наперебой, пожимая ему руку на прощание счастливые парни.

- Че ты пристал со своими вопросами, - услышал он укоры парней к своему товарищу, уходя.

Сходив в туалет, Майк сел за стол к Бобби со словами, - Что-то глухо сегодня, окидывая бар взглядом, - Пойдем, пожалуй, прогуляемся.

3. Санни Скиолаччи.

Санни Скиолаччи было двадцать лет. Все мы знаем, насколько это рассвет сил. К тому же папа и мама не обделили его ни ростом, ни красотой, ни финансовым благополучием. Особо не занимаясь серьезными физическими упражнениями, он выглядел красивым атлетом с широкими плечами и тонкой талией, с большими черными глазами, густыми бровями и чер-

ными вьющимися волосами, кои не щадил у парикмахера. Хотя маму свою он не помнил. Знал только, с детства, от каких-то родных тетюшек, что она его и слишком рано родила, и слишком рано покинула, и на кого его только оставила, и зачем бросила такого маленького. Единственная ассоциация со словом Мама у него был черный холм, черный каменный крест и какие-то странные цветы, каких он больше нигде и никогда не видел. Сон это было, или явь, он не был уверен, да и не задумывался об этом всерьез. Из детства всплывало из его памяти приятное, доброе, женское лицо и имя, точнее нет, не имя, Няня, вот что он еще помнил о ней. Затем ее не стало, он помнил, как ходил за отцом и спрашивал, где Няня, но тот почему-то не отвечал, то давал ему игрушку, машинку или пистолет, то просто уходил куда-то. Потом появилась другая женщина, но она ему не нравилась, она просила называть ее Няней, но маленький Санни не соглашался, а стал называть ее тетей. Тогда она ласково уговаривала называть ее тетей Мартой, но Санни упрямо называл ее лишь тетей, если была такая необходимость. Лишь эта тетя сказала Санни, что Няни больше нет, а он никак не мог понять, что значит нет, а где же она тогда? Следующая женщина просила называть ее миссис Нора, ее уже не очень маленький Санни совсем возненавидел и придумал обидное, наверное, для нее, но смешное для проказника Санни прозвище, Норка. Миссис Нора он называл ее только при отце, но стоило выйти ему из дома, сани превращались в тыкву.

И вдруг, вместо этих женщин у Санни появился настоящий Друг. Огромный и сильный, как гора, и мягкий и пушистый, как облако. Папа сказал называть его дядя Фрэнки, что Санни и делал при нем, а без него, просто Фрэнки.

Дядя Фрэнки открыл Санни целый Новый Мир, гораздо красочнее того, что он знал раньше. Оказалось, тети не всегда бывают старые и злые, есть еще и молодые, добрые и красивые. Санни знал их по именам и узнавал даже по голосу в телефонной трубке, Мария, Донна, Лиана, Моника и Клаудия. Особенно он любил Клаудию, и когда имел выбор, всегда предпочитал ее для игр или походов куда-нибудь по серьезным делам, например, за мороженым. Еще Фрэнки познакомил его с другими большими дядями, те были, конечно, не такими сильными и большими как сам Фрэнки, но все-таки сильными и большими по сравнению с другими дядями. Имен у них не было, точнее, имена были, но какие-то странные, как слова, которые Санни знал и раньше, например, Бутерброд, Рыжий, Тюфяк, Два Пальца, Облом, Доктор, Брат Номер Один и Брат Номер Два, Злой Гарри, Шляпа, там еще много, всех не запомнить. А папу все звали Босс и Санни сразу почувствовал, что все его боятся, хотя чего его бояться? Он же такой добрый и покупает все, что ни попросишь.

Первый раз, кто есть на самом деле его отец, он узнал в школе, когда учительница, знакомясь с классом, попросила каждого встать и сказать, кем работает его отец, мамы ее почему-то не интересовали.

- Его папа – мафиози! - заорал кто-то сзади из одноклассников и загоготал, прежде чем Санни успел открыть рот и сказать, что строитель, как научили дома.

Смех этот был одинокий и глупый, потому как воцарилась гробовая тишина в классе, но учительница поспешила опросить следующего ученика.

Хорошо, что он получил уважение в школе в тот день, раз и навсегда, плохо, что отец впервые дал сильную затрещину со словами, - Ты что, сам за себя ответить на вопрос не можешь?

И откуда он все, всегда, знал?

Детей бить плохо, конечно, но эффективно, Санни запомнил этот урок и никому не позволял слово ляпнуть при нем про него никогда. Все, что говорил отец, Санни усваивал раз и навсегда, как будто поставив самоцель, не повторять ему дважды.

Нет, он не был с ним груб, ни разу сильно не ударил, насколько он помнил, но одного его грозного взгляда всегда было достаточно. Санни боялся его. А боялся, потому что видел, как здоровые сильные мужики лепечут перед ним как младенцы, стоило отцу повысить голос.

Точнее, даже не повесить, а медленно так, внушительно, с расстановкой, как будто идиоту, объяснить, - Я кому говорил, не брать эти копейки. Сколько он должен? Ну так пусть ровно столько и отдаст, или ты не знаешь, что делать? Не делай из себя, а следовательно, из меня, крохобора. Иначе я покажу, на твоём примере, что делают в таком случае уважающие себя люди.

Санни любил отца и боялся до смерти. Так бывает в итальянских семьях.

Он, конечно же, занимался спортом, американским футболом, куда его буквально при- тащил школьный тренер, обративший внимание на его физические данные. Но Санни ленился «пахать», как требовал от него тренер, он и так был самый лучший в команде, а потому, чуть ли не каждый день слышал, как бездарно закапывает свой талант в землю. Особые успехи в спорте его не интересовали, он давно знал, кем он будет. А будет он приемником Тонни СкиолаччиБ

4. Тонни Скиолаччи.

Тонни Скиолаччи родился и вырос в маленькой деревне острова Сицилия, в дальнем конце острова от Палермо. Он был старший сын среди восьми сестер и братьев, потому работал больше всех на виноградниках, с самого детства. Ему казалось, что он родился и вырос под лозой. Скорей бы братья подросли, всегда думал он, выполняя очередное поручение отца. Но даже когда они подросли до того возраста, с которого он работал как проклятый, отец всегда, первым делом, кричал его имя, видимо, по привычке.

- И что сразу Тонни? - ворчал он, выйдя за дверь, чтобы отец не слышал, направляясь выполнять поручение, - Других, что ли, нет у него детей?

Только мама, казалось ему, любит его по-настоящему, а отец народил его как раба. Но мама была кроткая, молчаливая, ни смея перечить властному отцу. Лишь по ночам она приходила к нему, чтобы погладить по голове и подоткнуть одеяло. Затем она рожала братика или сестру и приходила все реже и реже.

С ранней юности ему очень нравилась соседка Нателла, на которую он засматривался через невысокую плетенную из виноградной лозы изгородь, но о ней приходилось лишь мечтать, потому как он с детства знал, что женой его будет Мария Манчини из соседней деревни, о чем их отцы сговорились с самого их детства.

Мы не знаем, правда это или нет, но поговаривали, что отец Марии Манчини, Марио, самолично участвовал в казни диктатора Дуче Муссолини и под его подушкой до сих пор лежит кусок веревки, на которой того повесили. Говорят, что Марио долго охотился за Муссолини чтобы отомстить за смерть отца, вендетта до сих пор в почете в тех местах. С тех пор Марио Манчини пользовался почетом и уважением, что позволило ему стать со временем, своего рода, феодалом и землевладельцем в тех местах. Не было в их деревне магазина, кафе, иль ресторана, где бы он не участвовал, так или иначе. За его дочками, еще тремя, кроме Марии, увивались куча ухажеров, потому как всем было известно уже давно, что Мария предназначена Тонни Скиолаччи. Сделано это было с хитрым умыслом, Марио давно, наперед, так как первой выйти замуж должна старшая дочь семьи, открыв тем самым дорогу остальным. Тем не менее Мария росла высокой, стройной, красивой девочкой, с черными, густыми, выюющимися волосами и огромными черными глазами, о чем все уши прожужжали заранее Тонни все вокруг, особенно тетюшки, знающие уже его судьбу, но Тонни считал красивой только Нателлу. Нателла же, часто замечая его вожделенные взгляды на нее из-за виноградной лозы изгороди, лишь убыстряла шаг, зная, как и вся деревня, семейную судьбу Тонни Скиолаччи.

Будущий дом их, совместно двумя семьями, давно строился одиноко в красивом месте на холме, аккуратно между их деревнями. Но Тонни казалось, что он один его строил целую вечность, познав еще и профессию строителя. Место для дома, конечно, было выбрано идеальное. В стороне от дороги, но так, что было видно ее издалека, кто по ней двигается, еще видно вдалеке окраину села Манчини. По другую сторону от дома был довольно ровный пологий уходящий вниз склон, повернувшийся к солнцу, сплошь поросший кустарником с красивым и огромным валуном посередине.

Тонни помнил, как ему, еще подростку, отец вместе с будущим тестем, поочередно прикладываясь к курдюку с вином, захлеб рассказывали, показывая пальцами то в одну сторону, то в другую, где будет стоять его дом, какой красивый вид будет вид из окна, какая счастливая жизнь у него будет и сколько внуков и внучат он им должен за это, и кого как назовет в первую очередь, потом вторую, и третью. Всю жизнь расписали они ему, примерно, до середины.

Затем они пошли до валуна, легко, вдвоем, так закинули его наверх на камень, что чуть не перекинули на другую сторону.

- Оглянись, сынок, - гордо сказал отец, - Вокруг будет твой виноградник, отличное место, поверь моему опыту.

Манчини радостно поддакивал, прикладываясь к курдюку, а Тонни не очень-то радовался, прикидывая, исходя уже из своего малолетнего опыта, не по годам, это сколько же кустарника придётся ему выкорчевывать.

Но, в конце концов, дом был построен, виноградник рос в перспективе, большая веселая свадьба на две деревни сыграна, родился первенец, крепкий малыш, нареченный Санни, в честь деда, как и договаривались.

Казалось, жизнь Тонни будет размеренной и счастливой, как обещали, если не вмешается, например, Нателла или еще какое-нибудь случайное несчастье. Кое и произошло, как вы уже догадываетесь.

Свидетелей не было, никто не знает точно, как это произошло, но однажды вечером, Тонни в слезах и маленьким сынишкой на руках, прибежал в дом Манчини с ужасной вестью, что Мария выстрелила в себя из ружья.

Первыми, прибежавшие ее два брата в дом, увидели ее мертвую, лежащую в спальне у кровати, с ужасной раной снизу в голову и ружьем между рук и ног.

Ружье было в каждом доме, от волков и не только. У Тонни была старая курковая двустволка, подарок отца, оставшаяся еще от деда.

- Коли ты назвал моего внука в честь деда, пусть оно потом ему и достанется, - так сказал отец, торжественно вручая ружье Тонни, в день их новоселья.

Неделю, после похорон, оставив сына у родителей, пропил, не выходя из дома, Тонни. Явился, угрюмый, осунувшийся, заросший щетиной и как будто глухой, с твердым решением, что уедет в Америку к двоюродному брату отца, заберет с собой Санни. Как ни уговаривали его мама и тетушки, оставить хотя бы маленького Санни, пока не подрастет, он был непреклонен. Нет, Санни поедет и ним. И все.

Лишь, бывший властный отец не сказал ему ни слова против. Резко постаревший, он понимал, что братья Манчини не будут жить рядом спокойно и несчастья могут продолжиться.

По совету отца, Санни, перед отъездом, явился в семью Манчини и у отца попросил разрешения уехать с сыном в Америку, так как жизнь ему стала ненавистна в этих местах, где все напоминает о Марии. Делать было нечего, и он получил Благословление, так как все понимали, что он уедет все равно, так или иначе.

Санни было три с половиной года, когда он увидел Статую Свободы.

А в это время в семье Манчини продолжались несчастья. Как оказалось, последний их ребенок рождался преждевременно и в муках для матери. Врачи решились на операцию, чтобы спасти хотя бы одну жизнь. Но усилия их были безуспешны. Закрыв глаза мертвой матери, они бросили в таз с отходами мертвый плод. Лишь чернокожий уборщик, после их ухода, услышал крик младенца.

Марио Манчини, переживая смерть жены, которую действительно любил и которая одарила его прекрасными детьми, три девочки и три мальчика, смотрел на этот плод, еле-еле похожего на мальчика, не испытывал к нему ни любви, ни ненависти, ни жалости, абсолютное безразличие, выживет он или нет. Прогнозы врачей были неутешительны, плод, так они его называли, был слишком слаб и далеко не выношен. Марио, несмотря на свое влияние на все что происходит в деревне, просто отвернулся и ушел. Но ему позвонили через день и сообщили, что сын его жив и будете ли его забирать вообще?

Марио Манчини был человек влиятельный и задумывался уже о своей политической карьере. Тут смерть жены, матери седьмого ребенка, хочешь ты того или не хочешь, выносит все твои переживания на публику. Вроде бы надо радоваться, что сын твой выжил, но Марио лишь делал вид, что радуется. Он дал ему имя не как обычно, в честь дедушек или отцов, нет, он дал ему далеко не итальянское имя, а сразу американское, Майкл, в переводе это означало

Рука Бога. Если честно, Марио думал или может, надеялся, что этот недоношенный сученок не выживет.

Но Майкл выжил и рос ребенком необычным.

Во-первых, он очень долго не разговаривал, лет до пяти и Марио решил, что это результат родовой травмы и тот растет дебилом.

Во-вторых, Майкл был ребенком невысоким и субтильным несмотря на то, что все остальные в его семье были людьми крупными и широкими в кости, даже три его сестры.

В-третьих, с раннего детства он полюбил убивать. Сначала он ловил кузнечиков и отрывал им лапки, затем загнал мышь в угол и забил ее тяткой и ходил потом по дому, выискивая еще мышей, как кот, но с тяткой. А как-то раз, соседи нашли у себя в огороде свою кошку с перерезанным горлом и вскрытым животом. Все, соседи и семья Манчини сразу заподозрили его, но он молчал, как рыба, на все вопросы, опять став немым на некоторое время. Тогда Марио впервые выпорол его ремнем, а затем окончательно плюнул на его воспитание.

5. Америка.

Как Тонни Скиолаччи стал главой одного из самых могущественных кланов Нью-Йорка мы рассказывать не станем, это другая, длинная история. Добавим лишь, что впоследствии, один из младших братьев Марии Манчини приехал под его начало и покровительство, убив в окрестностях Палермо несколько человек и подавшись от полиции в бег. Звали его Майкл и он стал самым близким его другом и подчиненным, уже опытным и матерым киллером. Тонни ценил его больше всех из своих людей и поручал самые важные дела и в самом крайнем случае, боясь потерять его жизнь или свободу по мелкому делу. Они даже редко виделись, специально, чтобы Майкл не отвечивал спецслужбам, следивших за Боссом. Не будем забывать об их близких родственных связях, к тому же. Тонни подарил ему, с молодой беременной женой, дом в итальянском квартале, где располагалась небольшая пекарня и булочная на первом этаже и квартира на втором, чтобы у него был небольшой семейный бизнес. Это было очень удобно, не нужно постоянно содержать его, можно было отмыть небольшие суммы денег, было прикрытие от полиции и еще немало важно – он всегда был под рукой, в любой момент, в одном и том же месте.

Санни Скиолаччи было очень комфортно в Нью-Йорке. Он рос самым уважаемым, априори, среди друзей и одноклассников. Красивая внешность, хорошая машина и ареол мафии делала его еще более красивым и желанным в глазах девушек, чем он беззастенчиво пользовался, как любой бы из нас на его месте. Занятие футболом добавляло ему друзей и внимания, в разы. Количество его личных болельщиков, особенно болельщиц на футбольных полях, во время матчей, росло по нарастающей, судя по шуму на трибунах, когда он получал мяч или сносил кого-нибудь жестким силовым приемом.

Так как рос он без мамы, отец больше не женился, а бывал дома лишь утром или днем, и то, не каждый день, Санни рано начал гулять по барам, ночным клубам и всяким другим увеселительным заведениям. Всегда его кто-то куда-то тащил потусоваться или он сам кого-нибудь из друзей, обычно из команды. Старался избегать только те места, где мог случайно встретиться с отцом, но их было немного. Тонни был консервативен, ходил только в заведения, принадлежащих ему, в основном, через подставных людей или бары и клубы близких друзей. Одну из маленьких пиццерий, почти без вывески, незаметной с дороги, они называли, даже офис, под названием Сицилия.

Виделись они все реже, по мере взросления. Санни старался приходить домой не сильно за полночь, так как ночью или под утро, обычно приезжал отец. Утром Санни уезжал в колледж, потом тренировка, приходил домой, когда Тонни уже выспался и уехал по своим делам, а следовательно, можно смело отправляться по своим, развлекаться.

Чаще всего они виделись дома, между колледжем и тренировкой. Разговор был примерно одинаков.

- Привет, па.
- Привет, сынок, как учеба?
- Нормально.
- Когда игра? На этот раз, обязательно приеду.
- В это воскресенье. Да ты уже сколько раз обещал.
- А ты возьми, да заедь за мной в офис, чтобы я не забыл и деваться было некуда, как выполнить обещание.
- Я лучше позвоню туда дяде Фрэнки, мы за час до игры, минимум, собираемся.
- Или так.
- Подкинешь на бензин?
- Буду уходить, оставлю. Последнюю как сыграли?
- Продули. Чуть – чуть.
- Вот и хорошо, что не приехал. Ладно, в воскресенье принесу вам удачу.
- Окей, не помешает, важная игра.
- Разогрей из холодильника, только что привезли твою любимую лазанью, от Фрэнки.
- Спасибо, па.

То, что привезли что-нибудь вкусненькое от Фрэнки, Санни уже знал, так как видел на входе в дом большую черную машину, ожидающую отца. Два итальянца сидели в салоне, один, наверно, самый здоровый из них, ожидал у машины, опершись огромным задом об переднее черное, блистающее чистотой крыло.

Санни увидел в окно, что у двери на улице лежит газета и вышел за ней.

- Привет, Санни, - не глядя на него, а поворачивая медленно огромную голову, в черной шляпе, то вправо, то влево, просматривая улицу, громко пробасил здоровяк.
- Привет, Бутерброд, - махнул рукой Санни.
- Как сыграли?
- Продули, - недовольно растягивал слова Санни.

Малыш Фрэнки был для Тонни самым близким другом, консилере, секретарем, личным помощником, поваром, правой рукой, левой рукой, нянкой его сына в детстве. Жил он на втором этаже итальянского кафе под названием Сицилия. Посетители были одни и те же люди и называли это место, особенно по телефону всегда по-разному – офис, контора, нора, у Фрэнки, у Малыша, на Родине. Делалось это из конспирации, чтобы прослушивающие, вдруг, копы не поняли, где мы, давай, вечером встретимся и все обсудим. Если в кафе, случайно, заходили случайные посетители им становилось крайне неуютно от наступившей тишины и неприятных взглядов угрюмых мужчин в черных пиджаках, и они быстро обычно ретировались. Те, кто жил по соседству, не ходили в, казалось бы, удобно расположенное кафе с хорошей кухней, зная, что посторонним там не место.

6. У Фрэнки.

Малышом, в насмешку, Фрэнки называли за его размеры, в килограммах и в роста-сантиметрах они были примерно одинаковы, 195 на 195, плюс – минус. Малышом называли или самые близкие или самые отчаянные, остальные уважительно Фрэнки, так как боялись его, вслед за Тонни, больше остальных.

Санни же был уверен, что добрее человека, в этой жизни, никого нет. Как будто он заменил ему мать, потому что Тонни, как говорится, часто таскал маленького сына на работу. Была у него, конечно и няня, но Санни не любил с ней оставаться, а кланчил у отца, чтобы он взял его с собой. А вот в кафе у Фрэнки он практически и вырос, у которого было пять дочерей, а тот, как все мужчины мечтал о сыне, которого Санни удачно и заменил.

Так что, Тонни, получается, всегда везло, то его не убили, по нелепой случайности, пару раз, то близкий родственник оказался лучшим киллером-профессионалом, то у лучшего друга растут целых пять няnek для маленького сынишки. Няню пришлось уволить за ненадобностью, со временем. Так что, Санни был самым маленьким, но уважаемым, посетителем этого странного кафе, сначала под столами, потом наравне, и наконец, над. Все остальные вечно ему потакали, угощали и дарили игрушки, как бы заранее взятки, чтобы он их запомнил с самого детства с хорошей стороны. Маленький Босс - закрепила за ним кличка, когда Тонни не слышал.

Фрэнки, весь день, с большими перерывами, конечно, проводил у кухонной огромной плиты, сразу за барной стойкой, но стены между ними не было. В этом помещении первого этажа вообще не было стен, если не считать уборных комнат. Он вечно что-то жарил, парил и варил, выкрикивая иногда имена или клички тех посетителей, кому хотел сказать что-нибудь. Человек, несведущий, был бы поражен иерархией отношений между поваром и гостями этого кафе.

- Два Пальца, - кричал Фрэнки в зал.
- Да, - тут же подходил один из посетителей.
- Мешай соус, закипит, убавь на единицу. Пойду покурю.
- Тюфяк.
- Что?
- Почисти эту картошку и лук.
- А где эти чертовы братья остолопы?
- Еще не было.
- Ну так найдите мне их быстро, почти обед уже.

Власть менялась, только когда входил Тонни. Не совсем менялась, лишь громкость переводил на единицу Фрэнки, как жар кухонной плиты.

С женой, Фрэнки, может быть, наверное, глядя со стороны, верится нам, повезло. Может, она там лупит его, как Сидорову козу, чужая семья - потемки, откуда нам знать? А так, внешне, она была абсолютный антипод мужа, в плане, маленькая и хрупкая, килограммов чуть за сорок. Повезло, что она разбавила наследственностью, для девочек, буквально, тяжелую кровь мужа. Лишь черты лица выдавали несомненное его родство с дочерьми. Жила она, как тень, в квартире над кафе, видели ее очень редко, молчаливую, проходившую мимо, глядя в пол, лишь кивая на приветствия, как будто не хотела знать посетителей в лицо, чтобы не опознать потом в полицейском участке. Есть у нас сомнения, знала ли она другой язык, кроме итальянского.

Дочки его, единственные постоянные посетительницы кафе женского пола, они же – официантки, посудомойщицы, поломойки, модельеры и модели, психотерапевты и дизайнеры, мотиваторы повара кафе. Возраст вместе укладывался в 9 – 17 лет. Было бы их больше, если бы Фрэнки не утратил надежду на сына.

Опять же, Тонни повезло, более надежную, например, официантку, которая, может подобрать, краем уха, фразу, оброненную Боссом мафии, и тут же потерять ее безвозвратно, не сыскать в целом мире. Омерта. Нет, это не имя, закон молчания, а имена были по возрастанию со старшей – Моника, Донна, Мария, Лиана, Клаудия.

Был, однажды, такой момент, что Микки Два Пальца сидел в кафе, и Тонни ему внятно объяснял, что нужно сделать. Просто, Микки такой человек, ему нужно точно, все и досконально объяснить, что, где, когда и во сколько по времени, нужно это дело сделать, тогда проблем не будет. Будет результат. В этом сомнений нет, если не перепутает.

Для примера, ему не сказали, чтобы он проверил патроны, которые пихает в револьвер. В итоге Микки Заноза превратился в Микки Два Пальца. Тоже, знаете себе, прогресс.

Санни, малой еще, не видный из-за стола, шел мимо, в кафе, ему перегородила огромная нога Микки, упирающаяся в следующий стул. Он мог бы перелезть или обойти, но он чувствовал себя сыном папы, которого все боятся и потому, толкая, сказал, - Убери.

В любой другой момент Микки, несомненно, убрал бы ногу, но в тот он слушал лишь самого Босса, а две его половинки мозга могли работать эффективно лишь в одном направлении и он не слышал маленького Санни из-под стола и даже не чувствовал, как его ногу толкают.

- Пусти, я кому сказал, - тербил его штанину маленький Санни безрезультатно.

Тогда, маленький Санни, обозлившись, как бык на корриде, отошел, метра на два, дабы разогнаться, и показал всю свою прыть, за что его и оценил будущий тренер. Он попал носком своего ботинка в самую косточку ноги над туфлей.

- Ой, - не от боли, конечно, а скорее от неожиданности, ляпнул Микки Два пальца.

Тонни не любил, когда его перебивают, но сразу увидел, что к чему, когда Микки заглянул под стол.

- Пни его в ответ, - сказал Тонни Микки.

Микки, какой бы не был глупый человек, сразу почувствовал неладное, как затравленный зверь включает все свои недюжинные способности в минуты опасности, он пнул Санни под жопу так, чтобы это выглядело жестковато, но не слишком больно.

- Ай, ты че? – кинулся колошматить кулачками его бесчувственные колени маленький Санни.

- Не так, - возразил Тонни.

Фрэнки из кухни тоже почувствовав неладное возникшим напряжением и тишиной, вырос за спиной Микки. Стало даже темновато, так он загородил свет от окна.

- Я хочу, - медленно, но верно, втолковал в голову Микки Два Пальца слова, Тонни, - Чтобы этот сопьяк приземлился вон у той двери, после твоего пинка, - показал он на входную. Кто-то из парней поближе тут же догадался перевернуть табличку со словом Открыто на Закрыто, наружу.

Я не видел такого удара с Финала Лиги Чемпионов. Как будто Мюллер, Пеле и Марадона, все вместе подошли к этому штрафному удару, так сильно метился и волновался Микки.

Это выглядело глупо, но его можно понять, не каждый день бьешь такой пенальти. Попасть во входную дверь сыном Босса мафии... Было далековато.

Такого горестного лица у Фрэнки не видел еще никто. Как будто на глазах у антилопы лев поймал ее детеныша, она не умеет плакать, лишь знает, что спасти из этих клыков его невозможно.

Но, Микки Два Пальца справился, не хуже любого из этих звезд спорта. Приподняв брыкающегося Маленького Босса двумя оставшимися пальцами за шкуру, он под зад отправил правой ногой снаряд так точно и аккуратно, что Санни лишь ботиночками, скользя по полу, задел дверь.

Санни, сначала инстинктивно заорал и заплакал, но тут же вспомнил, что нельзя, и насутился, вытирая кулачком слезы. Микки обогнал Фрэнки к нему, чтобы убедиться, что тот в порядке.

Еще один урок выучил Санни, что нельзя неуважительно относиться к старшим, при отце.

7. Обычный вечер, продолжение.

Майк, выйдя из своего бара, пошел дальше, обычным, частым маршрутом по Пятой улице, где почти в каждом доме был бар, кафе или ресторан, избегая некоторых, но обязательно заходя в другие, задерживаясь, от нескольких минут, до нескольких часов. Бобби, естественно, как тень следовал следом, но не выдавая себя, как его спутника. Со стороны казалось, что два человека гуляют независимо друг от друга, а то, что они заходят в одну и ту же дверь, лишь совпадение.

Майк обычно садился за стойку бара или прорывался к ней, если было тесно, без проблем. Его пропускали, узнавая или не узнавая, к нему подсаживались, стремились пообщаться, сразу, первым делом, угощали выпивкой. Он никого не чурался, охотно отвечал на вопросы и

общался как кандидат на выборы в сенаторы. Пил, чем угощают, но если подсевший к нему собеседник был чем-нибудь неприятен, он делал малозаметный знак Бобби и тот исчезал, как по мановению волшебной палочки. Если же человек вел себя прилично и выглядел достойно, Майк делал ему шикарное предложение:

- Слушай, Джэк, ты приятный человек, я бы посидел с тобой еще, но меня ждут люди, какая-то презентация опять, ты заходи в мой бар, Чемпион по Нижней, возле Пятой, спроси у бармена Билли меня, и он угостит тебя выпивкой, пока я не появлюсь. А бываю я каждый вечер, если в городе.

Зайдя в следующий бар и не успев добраться до стойки, Майк услышал громкий радостный окрик.

- Большой Майк, привет, дружище.

- А, Джон, привет, - протянул он руку поздороваться к протиснувшемуся к нему через толпу стройному высокому, примерно, сорокалетнему ирландцу, судя по акценту и лицу. Было довольно многолюдно, так как это был ирландский паб, под названием Святой Патрик.

- Как я рад тебя видеть, - неподдельно сиял тот, - А где Бобби? - повертел он головой и найдя его, радостно замахал рукой, - Бобби, привет.

Бобби лишь кивнул издалека, натянув тень от улыбки и не стремясь подойти, облокотился о стойку бара.

- Майк, будь другом, пожалуйста, посиди с нами, я тебя очень прошу. Мы с друзьями собираемся здесь всегда, по пятницам, вон там, в углу, за нами всегда забронирован большой стол, самый лучший. Сегодня не все пришли, мест полно, позови Бобби, пожалуйста, ребята будут рады, - быстро тараторил тот и даже молитвенно сложил руки ладонями вместе у груди и строил такую гримасу, что отказать ему было трудно.

- Ну ладно, - немного помялся Майк и махнул головой Бобби, чтобы подошел, - Пойдем, посидим, - сказал ему.

- Ребята, смотрите, кого я встретил, - радостно закричал Джон, когда подошли к большому столу в углу, - Сам Майки Рубильник, - пропустил его вперед Джон, - И Бобби, его друг.

Почти все сидящие, радостно подскочили, шесть человек, наперебой потянули руки здороваться.

- Это Джэк, это Том..., - представлял их сияющий и гордый, своими знакомствами, Джон.

- Привет Джэк, здравствуй Том... - называл каждого по имени Майк, а Бобби здоровался молча, крепко пожимая руку.

- Присаживайтесь, присаживайтесь, - пропускал их вперед Джон, - Мы пьем лучший ирландский виски, прямо с Родины, а ты, Майк, кажется, предпочитаешь ром, насколько я помню, принести?

- Не беспокойся, виски пойдет, тем более с Родины, - успокоил его Майк, - Разве что апельсиновый сок для моего друга, есть с Родины? - улыбаясь, пошутил он.

- Сейчас выжмут, литр хватит? Сгоняй Фред, - толкнул Джон крайнего, - А то эту официантку пока дожدهшься, апельсины сгниют, полно народу сегодня, подожди, - задержал его за рукав, - Что будете кушать?

- Нет, спасибо, мы только что у себя поели, - помотал головой Майк.

Джон отпустил руку Фреда, тот вернулся быстро с дополнительными стаканами.

- Сок сейчас принесут, как только выжмут, - доверительно сообщил он Бобби, тот опять лишь кивнул. Вообще казалось, что Бобби немой, он общался лишь кивком головы, показывая, что понимает слова, мог только буркнуть свое имя, и то, если Майк не представил его при знакомстве.

Так, обычно, проходили их вечера и ночи.

Ретировались из этого паба они лишь, часа через полтора.

- Майк, запомни, каждую пятницу мы рады видеть вас здесь, - пожимал ему руку Джон на прощание.

- Слушай, Джон, а зачем Майку телохранитель? – спросил Том, когда они ушли, - Какой дурак захочет наехать на Чемпиона?

- Дурак ты, он не его защищает, а от него, - ответил, нравоучительно, Джон.

- А вот тут ты не прав, - вдруг сказал Джек, и тут только до всех дошло, что обычно разговорчивый Джек не проронил ни слова, пока эти двое сидели за столом.

Все уставились на него, повис немой вопрос.

- Ненавижу его, - зло сказал он, солидно отхлебнув из стакана, - И таких как я – сотни, тысячи, на всю страну.

Немой вопрос так и остался висеть, болтая ногами.

- Я просадил двадцатку из-за него, тысяч, - подняв указательный палец, начал, зло объяснять, Джек, отглотнув опять большой глоток из стакана, - Был уверен, что он ушатает этого Кровавого Роберта чуть ли не в первом раунде, как всегда. Хотел подзаработать на этом, а коэффициент у букмекеров был такой маленький, что чтобы заработать две тысячи нужно поставить двадцать. Ну, я и воткнул чужие деньги, проплывавшие мимо меня по бизнесу. И встрял, еле выпутался, целый год выплачивал.

- Могу тебя успокоить, дружище, - похлопал его по плечу Фредди, - Я слышал, некоторые люди сотни тысяч продули на этом бое.

- Каком бое? О чем вы? – забеспокоился Джон.

- Ты, че? Не знаешь?

- Нет, я как-то не слежу за боксом.

- Майк Тушите Свет был непобедимым чемпионом по какой-то версии, не помню.

- ДБА.

- Да не, АБС.

- Да, не важно.

- Ну, это-то я знаю, дальше что?

- У него было, кажется 30 побед, ноль поражений, все нокаутом.

- 31 победа, из них 30 нокаутом.

- Точно, не суть, ну и там замена произошла какая-то и дают ему бой с этим малоизвестным Кровавым Робертом.

- Он должен был с нашим Ирландским Быком биться, а тот травму получил на тренировке, перед самым боем.

- Ага, сыканул просто. Ха-ха. Ирландским еще называется, быком, ха-ха.

- Или так.

- А кличка у него Кровавый, потому что он слишком много принимал на себя ударов, ни разу не был в нокауте, но и выигрывал нечасто, короче, боец средней руки. Кожа на лице, видимо, тонкая, на него больно смотреть после боя, не лицо, а кровавое месиво, глаз не видно, так заплывают. Все были уверены, что сегодня-то он ляжет, потому как бой у него с самим Рубильником, ну или, как минимум, проиграет по очкам.

- Вот-вот, я так же думал.

- Он даже не готовился, времени не было, единственный, кто согласился выйти на коротком уведомлении.

- Точно, так и было.

- А в итоге, бац, один удар в третьем раунде и знаменитый Рубильник рухнул. Нокаут. Все просто ошалели.

- Особенно, я.

- Да вы что? Я не знал, говорю же, не слежу за боксом, я больше хоккей, да футбол. А дальше что?

- А что дальше? Поздно пить боржоми, денежки-то уплыли.
- Чемпионский пояс тоже уплыл, Кровавый Роберт его просрал в следующем же бою, и как его не знали до этого, так и забыли, помнят только за один удар.
- Чемпион, уже бывший, требовал реванш, но не срослось что-то.
- Да он зарезал кого-то, в пьяной драке, Роберт этот, в смысле.
- Я слышал, забил кулаками, до смерти, какого-то сутенера.
- Какая разница, получил неожиданное бабло за чемпионский бой и тут же пропил или снюхал все, или скололся. Всякое говорят, типа, наркоманом стал и алкоголиком, от больших денег.
- Убили его в тюрьме, я слышал.
- Сука, людям жизнь испортил и сам не пожил, туда ему и дорога.
- А Большой Майк, взял, да и ушел из бокса. Хотел только одного боя – реванша. А, то ли Роберт не дал ему шанса, то ли посадили уже, я постеснялся спросить сегодня, хоть и подмывало узнать правду наконец-то.
- Да, бывает же такое.

8. Корреспондент.

Однажды, еще ранним вечером, Майк сидели с Бобби за своим столиком, так как посетителей еще почти не было. Майк спиной к залу, а Бобби, как всегда, лицом.

- Ставлю сто долларов, что если сядешь сейчас за барную стойку, к тебе подойдет такая шикарная мулатка, каких ты с молодости не видел, - удивил Бобби Майка таким предложением, в азарте он не был замечен.

- Ты думаешь? – сильно удивился Майк и попытался развернуться.

- Стой, - схватил его за рукав Бобби, - Сначала прими пари.

- Идет, - заинтриговался Майк, уже готовый отдать сотку, лишь бы узнать в чем дело.

- Тогда иди за стойку, но не пялся в зал.

Вставая, Майк все-таки заметил ее краем глаза и прошел за стойку, такую нельзя не заметить, подумал он, присаживаясь. И правда, не успел он попросить что-нибудь для себя у Билли, как она тут же подошла к нему.

- Здравствуйте, - услышал он ее приятный и робкий голос, - Вы ведь сам Тушите Свет, Майк, Чемпион?

- Да, красавица, - тут же оценил ее он, - Привет.

Высокая, стройная мулатка, с огромными черными глазами, пухлыми губами, с шикарными формами и длинными стройными ногами, Бобби был абсолютно прав, давно Майк не видел таких красавиц. Короткая стильная прическа под мальчика лишь подчеркивала ее женственность и красоту. Только возраст был ее не понятен, ей можно было дать одинаково на вид и 18 лет и 26.

- Я Диана Старк, - тут же быстро продолжила она, - корреспондент газеты Таймс, можно взять у вас интервью?

- Интервью? – сильно удивился Майк, - Да, уже не меньше десяти лет прошло с моего последнего. Кому это будет интересно? Я и раньше-то не особого раздавал такие вещи.

- Вы знаете, я просто пишу статью, по заказу редакции, о том как живут профессиональные боксеры на, так сказать, пенсии, как они устраиваются в жизни, о чем думают, вспоминают, проблемы с алкоголем или здоровьем, например.

- А кто уже дал вам такое интервью? – подозрительно спросил Майк.

- А-а, - закатила она мило глазки, как будто вспоминая, - Вы первый, - призналась она, как-то грустно потупившись, видимо боялась, что спалилась и услышит отказ.

Майк почувствовал это и пожалел ее, - Ладно, - нехотя пробурчал он, - Не умею отказывать таким красивым девушкам.

Заметно сильно обрадовавшись, она быстро достала из сумочки блокнот и ручку. Кисть руки ее была изящна, смуглая, тонкая, с необычайно длинными пальцами, с почти незаметным маникюром, что делало ее еще более изысканной, Майк обратил на это внимание, яркие и длинные ногти женщин не нравились ему, колец на ней не было, это тоже ему импонировало. Казалось, она прекрасна во всем, от нее даже ничем не пахло. Одета она была скромно, но все равно привлекательно, дымчатый кашемировый джемпер с неглубоким вырезом, облегающие джинсы и черные туфли на невысоком каблуке.

- Итак, - начала она, воодушевленно, - Начнем с вашего семейного положения. Жена? Дети?

- Нет, семьи у меня нет, - Майк невольно засмотрелся на ее высокую и большую грудь, пытавшуюся спрятаться под бельем и одеждой, но быстро спохватился и перевел взгляд на большие карие глаза, не менее восхитительные.

- А была? – помечала она в блокноте.

- Нет, не было, - перевел он взгляд на ее руки, правша, машинально отметил он, как опытный боксер.

- А почему? – оторвалась она от блокнота и устремив в его глаза заинтересованный взгляд.

Наконец, подошел где-то пропадавший Билли, удивленно посмотрел на красивую девушку, - Чем вас угостить? – спросил у обоих.

- Можно кофе? – спросила Диана, - Капучино, - добавила она, так как Билли ждал этого уточнения и лишь потом перевел взгляд на Майка.

- Чай, - сказал тот, - Иначе она напишет про меня, что я алкоголик, - подмигнул Билли.

- Так, - продолжила она, улыбнувшись шутке, как только Билли отошел, - Этот бар, насколько я знаю, принадлежит вам?

- Да, - продолжал Майк, украдкой рассматривать ее.

- Еще у меня есть информация, что вы тренируете детей боксу? - вернулась она к блокноту.

- Да, в этом же здании есть школа бокса, принадлежащая мне, но тренирует другой человек, тоже бывший боксер, естественно, но более терпеливый чем я, - попытался сострить Майк.

- Есть ли у вас успехи на этом поприще? Какие-то одаренные, перспективные боксеры? Может, даже, будущие чемпионы? – продолжала она серьезно и по-деловому.

- Да, есть, конечно, но я не буду называть имен, чтобы они не узнали впервые об этом от вас, - еще одна попытка сострить от Майка, он почувствовал себя в ударе.

- Вернемся к личной жизни, если вы не против, - не спросила она, - У меня тут еще записана такая информация, - как будто читала она в блокноте, - Что у вас был продолжительный роман с известной моделью Сиенной Миллер, - перестала она читать и посмотрела на него.

- Да, был, - сознался Майк, - И что? – пришлось спросить теперь ему самому, так как повисла пауза.

- И чем он закончился? – смотрела опять на него, а не в блокнот, Диана.

- Ничем. У меня так-то немало было романов, или вы подозреваете, что я голубой? Спросите, не стесняйтесь, – начал он раздражаться.

- Нет, что вы? – тут же испугалась она, - Ни в коем случае, почему вы так решили?

- Вопросы такие задаете, где моя семья, где мои дети, почему не женат и не складываются мои отношения с женщинами, за этим вас сюда послали? – в раздражении он даже оттолкнул от себя чашку с чаем, расплескав на барную стойку.

- Извините, вы неправильно меня поняли, - заметно еще более испугавшись, стала быстро оправдываться она.

- Я знал, что это плохая идея, эти ваши интервью никогда не приносили мне ничего, кроме геморроя. Завтра появится статья, что я голубой. Спасибо. До свидания. – картинно поклонился Майк.

- Билли, угости ее всем, что пожелает! - крикнул он в сторону бармена, вставая.

- Извините, - услышал он во след, но не обратил внимания, а направился обратно.

- Самые красивые женщины приносят самые большие несчастья, - сказал он Бобби, присаживаясь на свое место за столиком.

- Что случилось? – спросил Бобби, внимательно рассматривая его бывшую собеседницу.

- Да ну ее, странная какая-то, спрашивала про моих бывших, сделала вид, что она из Таймс, попросила интервью. Но я-то много насмотрелся этих штучек, так просто не проведешь. Держу пари, что она не из газеты. Хочешь еще сто долларов заработать?

- Про какую именно она спрашивала? – не обратил внимания Бобби на предложение о пари.

- А как ты узнал, что она сейчас подойдет? – достал Майк бумажник и стал шариться в нем.

- Это моя работа. Так про кого она спрашивала? – продолжал он настаивать.

- Грабитель, - бросил Майк на стол стодолларовую купюру, - Да какая разница? Сиенна Миллер, горячая штучка была, - раздраженно сказал Майк, - Еще и не дал шанс отыгаться, - еще больше расстраивался Майк.

Долго сидели в тишине, Майк был явно не в настроении, постукивал пальцами по столу.

- Дерьмовый день. Сегодня не пойдем никуда. Пошли домой, - наконец решил он между выпить или не выпить.

- Даже не поедем? – немного удивился Бобби.

- А давай съедем по бургеру по дороге? Иногда хочется съесть какую-нибудь гадость.

9. Принцесса Диана.

Диана Миллер зашла домой. В этом доме она выросла и жила всю свою жизнь, он достался ей после смерти мамы. Все свои девятнадцать лет, никуда не отлучаясь более пары дней. До боли знакомый дом. Каждая мелочь была ей близка и напоминала о ней. Вот ее любимая кружка, тарелка, вот вилка, которую мама всегда выбирала среди кучи похожих. Теперь Диана тоже искала ее, машинально, чтобы покушать. Вот половица, которая предательски скрипнула, когда она поздно ночью пыталась пробраться в спальню мимо спавшей, казалось бы, мамы. Теперь она с удовольствием, подбирая шаг, наступала на нее, ей нравился этот звук, воспоминаниями.

- Моя Принцесса, - всегда называла ее мама, и очень редко по имени, только на людях.

- Ты дочь Королевы и Короля, - любила повторять мама, причесывая у зеркала ее длинные, черные и выющиеся густые волосы, любуясь.

То, что она дочь Королевы Диана знала, мама ее, всю ее сознательную жизнь блистала на подиумах, побеждая на всевозможных конкурсах красоты и работая моделью и манекенщицей.

Мужчины волоклись за ней толпами и маленький и скромный дом их всегда был заставлен цветами. Она быстро сходилась с мужчинами и так же быстро расставалась, часто повторяя, что он далеко не твой отец, Принцесса, вот твой отец, он да, вот он был Король. Никак не могу найти такого.

Дом их маленький, но очень уютный, мама купила сама, долго копила, пока были гонорары и очень была горда этим. Она уже знала, что больна раком, но еще не знала Диана, догадалась лишь много позднее, по фразе в больнице, что теперь маме есть что ей оставить, дом, за который не нужно платить. Наверно, она и лечиться даже не пыталась, чтобы не тратить деньги, предназначавшиеся на покупку и ремонт этого дома. Так думала Диана, иногда ненавидя его за это, но всё-таки любя. Они вместе красили пол, перила, клеили обои и всегда цвет выбирала Диана, мама лишь мягко подсказывала, какой было бы не плохо. Иначе здесь бы все было неприлично ярким и безвкусным.

Вчера был ровно год, как она умерла. Перед смертью она переживала лишь об одном. Что ее Принцесса останется одна. Мама еще ребенком приехала с отцом из Франции, когда ее мама погибла в автокатастрофе, а когда умер пьющий от горя отец, так как именно он был за рулем, родственников в Америке не осталось, а об остальных, если они и есть в Европе, она ничего не знала. Поэтому, почувствовав приближение смерти, мама раскрыла имя отца дочери и взяла с нее слово, что она найдет его и непременно скажет, что она именно его дочь. Он хороший человек, повторяла она очень часто последние дни жизни, как молитву, он не оставит тебя. Она была одержима этой мыслью и больше ее ничто не волновало.

- Его легко найти, он же Король, он был мой Король. И Король бокса. Мы плохо расстались, были слишком горды. Король ринга и Королева подиума, так писали о нас газеты и твердил телевизор. Дай слово, что найдешь его и расскажешь обо мне и о себе, он поверит и позаботится о тебе, - повторяла она как мантру, пока не забылась. Диана много раз давала ей это слово.

Несколько месяцев, сильно переживая о потере, Диана даже не думала о нем. Затем, один раз посмотрела на него издалека, благо, это нетрудно, потом попыталась подойти пару раз, но каждый раз разворачивалась, не решаясь. И вот, в годовщину смерти, вспомнив о данном слове, решилась, и сделала эту глупую попытку. Какая же я дура, винила себя, все испортила. Как теперь подойти к нему? А, может, написать письмо и отдать бармену тому, похожего на пирата? Диана ходила по маленькой гостиной, заламывала руки, подражая маме, как в детстве, и то решаясь на что-то и останавливаясь, то передумывая. Несколько раз садилась за стол и брала ручку, затем, посидев немного, бросала ее.

И тут раздался стук в дверь.

Открыв дверь, она дико испугалась и инстинктивно захлопнула. Затем, вспомнив, где видела это страшное лицо, с виноватым видом открыла и извинилась, - Простите, напугалась от неожиданности.

- Я знаю, кто ты, - вместо приветствия сказал ей Бобби и стал ждать ее реакции.

- Проходите, - шире распахнула она дверь, чтобы такой широкий человек мог пройти, - Пожалуйста.

Бобби скромно вошел, оглядел внимательно гостиную. Скромно, но уютно и со вкусом.

- Присаживайтесь, - показала она рукой на диван, - Чай, кофе? Вода? Больше мне нечего вам предложить из напитков, алкоголя не держу.

- Спасибо, воды достаточно, - присаживаясь, ответил Бобби.

- Как вы узнали? – волнуясь, подала стакан воды, рука слегка дрожала, Бобби заметил.

- Нетрудно было догадаться. Пока вы мило беседовали, я подумал, что вы похожи на отца с дочерью, глядя со стороны. Это моя работа - смотреть за Майком и догадываться, с кем он говорит и что сейчас может произойти. А когда он рассказал, кем вы прикинулись и какие задавали ему вопросы, я все понял.

- Сказали ему? – еще больше взволновалась Диана.

- Нет. Я привык сначала все проверять. Даже если и так уверен. Не люблю ошибаться, - отпил он воды.

- Скажете? – испуганно и одновременно, с надеждой, спросила она.

- Непременно, - кивнул головой Бобби так, чтобы даже не пыталась его отговаривать.

- Ну, что же, так даже лучше, а то я не решилась, - выдохнула Диана облегченно.

- Знаю, я давно вас заметил, но принял сначала за поклонницу, пока не увидел вас с ним рядом.

- Как вы думаете, он поверит? – теперь в голосе ее была надежда.

- Мне? - сделал ударение на этот полу-вопрос и полу-утверждение Бобби и даже совсем немного выпучил глаза, - Поверит. И будет рад, вы уж не сомневайтесь, - успокоил ее.

- Мама так и сказала, - опустила она глаза, облегченно и размякнув, расслабилась.

- А где она? – Бобби невольно покрутил головой, как будто она могла прятаться здесь, но все-таки нашел, ее портрет.

- Умерла, год назад, - грустно ответила Диана и машинально взяла со стола белую салфетку, боясь не показать слез.

- Сожалею, - не сводил он взгляда с портрета. Он был прекрасен.

- Спасибо, вы очень добры, простите, что испугалась вас, в начале, - искренне сказала Диана, невольно приложив правую руку к сердцу.

Начитавшись умных книг в тюрьме, Бобби сразу понял, что она нисколько не лукавит.

- Ничего. Я привык. Настолько, что это даже стало нравится, - первый раз улыбнулся Бобби за неопределенно большой промежуток времени. Но мимика его была настолько нарушена, что она приняла это за оскал, но все-таки осмелилась на вопрос, значит, он был важен.

- А можно один вопрос? – испытующе посмотрела на него, но решилась, - Я вчера хотела узнать, но не смогла, - в смущении комкала она салфетку, все еще сомневаясь.

- Любой, - наконец, он перевел взгляд на нее с портрета, в ожидании, - Спрашивай, не бойся.

- А с кем он сейчас живет? Вдруг, у него счастливая семья, любимые дети, я не хочу этому помешать.

- Успокойся, ты никому не помешаешь, - казалось, Бобби даже сам успокоился, — Это старый, одинокий волк, который до сих пор живет в отеле, как и я, кстати, - еще шире улыбнулся он.

- Ну ладно, - облегченно выдохнула она, только сейчас догадавшись, что это не оскал, а улыбка, просто этот безобразный шрам все искажает.

- Но не голубой, я-то знаю, - подмигнул он ей.

- Ха – ха – ха, - заливисто засмеялась она, - Так глупо получилось, - продолжала она смеяться, на ее темном лице особенно сильно выделялись большие белоснежные красивые зубы, как с рекламы стоматолога.

Бобби тоже попытался немного хохотнуть, как будто неумел или давно не делал, получилось лишь усмехнуться, и нелепое, - Хо – хо.

- Хотите выпить? – просмеявшись, предложила Диана, - Я сбегаю, тут рядом, скажите, что вам принести?

- Не – не – не, - даже замахал руками Бобби, - Я не пью, давно.

После смеха напряжение между ними ушло на нет и Бобби задал вопрос, который был ему интересен.

- Скажите, Диана, у вас же есть фотографии вашей мамы? Я хотел бы взглянуть на ту, о которой слышал, но не видел, это ведь ее портрет? – показал он на стену, - Очень красиво.

- Да, конечно, очень много, фотографы ее обожали, - подскочила Диана с радостью и сняла со стены несколько фотографий в рамках.

- Странно, что вы не видели, - подала она их, - Она не сходила с экранов и газет долгое время.

- Я был ..., далеко просто, - с интересом разглядывал он, - Правду говорят, она была очень красивая.

- Ой, - вдруг она взяла свои щеки в ладони, как будто вспомнила, что горит пирог, - Я же до сих пор не знаю, как вас зовут.

- Ах да, моя вина, зови меня Бобби.

- Очень приятно. Диана, ну вы знаете...

Между ними очень быстро возникла какая-то симпатия, как будто Бобби видел в ней своего ребенка, которого ему не хватало в жизни, а ей не хватало отца, где-то глубоко-глубоко в душе, на уровне, скорее, инстинктов. Человеку, всё-таки свойственно заботиться о ком-то, видимо поэтому одинокие люди зачастую и с удовольствием заводят домашних питомцев.

- Извини, Диана, - перешел он на ты, так как хотел задать личный и грустный вопрос, - А как погибла твоя мама?

- Ничего, - взяла себя в руки Диана, помедлив, так было весело, а теперь опять грустно, подумала с сожалением, - От рака.

Бобби кивнул, с сожалением, и спросил, как бы между прочим, крутя головой, оглядывая гостиную, - А это был ее дом?

- Да, она оставила его мне, я у нее одна, была, - опять стала мучить салфетку Диана, оставленную в покое пока смеялась.

Как же много, между нами, общего, девочка, ты даже не представляешь, бедная девочка, надолго задумался Бобби, ему даже жутко захотелось обнять ее и сказать ей об этом, рассказать о своем, можно сказать, детстве, но он, как всегда, сдержался. Он еще раз, другими глазами, оглядел первый этаж дома. Такая же гостиная, может, чуть меньше, или так ему давно казалось, там же лестница на второй этаж, где, скорее всего, две спальни и санузел. Здесь санузел, так

же, справа от кухонного гарнитура, здесь он гораздо лучше, больше шкафов и почти новый. Там же был старенький, из потрескавшегося дерева, некоторые дверки сильно расшатались, а отремонтировать было некому. Вместо дивана, на котором он сидел, двух кресел и большого, по его, теперь меркам, стола, был маленький столик и всего три стула, ровесники гарнитура и от одного мастера по дереву. Да, точно, гостиная была гораздо меньше. А там, где сейчас висит картина с роскошной женщиной в красном платье, летящей по подиуму под вспышки папарацци, висела небольшая икона с грустной женщиной и младенцем на руках. Но было так же уютно и тепло.

- Что? – очнувшись, спросил Бобби, ему показалось, что он что-то пропустил.

- Нет, ничего, - ответила Диана, - Вы задумались, всего лишь, - и улыбнулась, прямо как монашка из его воспоминаний, ласково и заботливо.

- Так вот, девочка моя, слушай как мы поступим, - начал он деловито, - О, извини, Диана.

- Нет-нет, мне нравится, так давно меня не называли, - лицо Дианы стало вновь счастливым.

- Тогда не называй меня на вы, - парировал Бобби, - Мой друг? – предложил он, опять криво улыбаясь, нормально не давал ему шрам. Поэтому он так давно не улыбался, что не помнил когда.

- Договорились, - протянула ему руку Диана, они пожали друг другу руки, оба почувствовав, что это дружба навек.

10. Счастливый отец.

- Я не понял, ты почему такой счастливый, как будто влюбился в новую проститутку? – так встретил Майк наконец-то появившегося Бобби, сильно удивленный, за их столиком в баре. И продолжил свой ужин, как будто ничего не произошло. Но это было не так, его так и подзуживало спросить, где тот был.

Во-первых, Майк был удивлен тем, что, выдвигаясь в бар из отеля, он позвонил Бобби в номер, а тот не взял трубку и Майку впервые за несколько лет пришлось идти одному. Но по дороге он твердо решил не спрашивать его об этом, хотя был сильно заинтригован, к тому же не обнаружил машины на парковке у отеля. Сам скажет, был уверен он. И еще, больше считал их отношения скорее дружескими, чем рабочими и потому не хотел, чтобы Бобби почувствовал какую-нибудь претензию по его отсутствию.

Во-вторых, он не видел Бобби не то, что давно таким счастливым, как сейчас, он его никогда таким не видел, от него просто разило чем-то новым. И опять же, решил не давить. Но было очень интересно, но Майк стал искусственно подогревать этот интерес незаметным ожиданием, как истинный гурман, делая вид, что все идет как обычно, усиленно пережевывая бифштекс.

Билли, всегда чувствовавший любые изменения, подошел поближе, относительно барной стойки, и стал принимать, что происходит, не буквально, но обратив во внимание все другие органы чувств.

Бобби сел на свое место довольный и сияющий, даже раскинул руки на спинку сиденья, чего не делал никогда, это говорило психологами об открытости человека, чем Бобби не страдал. Он тоже выждал несколько лишних секунд, интригуя.

Что угодно ожидал Майк от него, но не то, что услышал.

- У тебя есть дочь, - выпалил тот, торжествуя.

- Чего? – округлил Майк глаза, хоть и настроился на всякую всячность и неожиданную неожиданность.

- Да, Диана, с которой ты вчера разговаривал за этой стойкой, - показал он пальцем на насторожившегося, как собаку, Билли, - Которая сделала вид, что корреспондент, а на самом деле пришла, чтобы убедиться в этом, - оскал его со стороны казался страшным, лишь немногие знали, что это торжествующая улыбка.

- Врешь! – выпалил Майк, но увидев, очень редко, как Бобби улыбается, он поправился, - Не может быть.

В ответ Бобби положил на стол бумажку, где было написано немного – имя, фамилия, дата рождения, адрес, номер телефона.

Шевеля губами, потрясенный Майк посчитал в уме и сказал, опешивши, - Точно.

- Выпить Чемпиону! – вдруг заорал Бобби на весь бар так громко, что встал в ступор, прежде всего, пират Билли.

- Налей всем, - добавил настолько довольный Бобби, какого его никто никогда не видел, а Майк сидел не шевелясь, как будто вокруг ничего не происходило.

Подошел Билли с дорогой бутылкой виски и сел рядом с подвинувшимся Бобби, с громким стуком поставил в середину стола и стал ждать с немым вопросом.

Следом шла его старшенькая с большим подносом, уставленным только стопками и стаканами, поставила весь поднос на край стола ближе к отцу и тут же испарилась с загадочной улыбкой.

Майк сидел потрясенный, переваривая информацию, а Бобби пояснил, - У него, оказывается, есть дочь. Вчера была, помнишь?

- А, - сразу вспомнил тот, - Та красавица, - просиял он.

- Похожа ведь, скажи? – спросил Бобби.

- Никаких сомнений, - открывая бутылку, ответил, довольный поводом, Билли.

Казалось, эта фраза вывела из мыслительной процедуры Чемпиона, и он просиял, как будто из нокдауна вдруг очнулся первый раз Чемпионом мира.

- У меня есть дочь. У меня есть дочь. У меня есть дочь. А какая красивая, - расцвел он, вспоминая.

- Наливай, Билли, что сидишь, всем, - поторопил он тут же, чуть замешкавшегося Билли.

- Я хочу ее видеть. Бобби, можешь привезти ее?

- Здесь слишком много народу, для первой встречи.

- Ну да. Может поедem к ней?

- А может лучше завтра, на трезвую голову? Утро вечера мудреней.

- Ну да, ну да, лучше завтра, ты прав, - соглашался на все, все еще потрясенный новоявленный отец, кажется, плохо соображая, потому и соглашавшийся на все предложения.

Билли, аккуратно, профессиональной рукой разлил очень ровно, по стаканам виски, а старшая дочь его по имени Лора понесла поднос по бару, раздавая всем присутствовавшим посетителям.

- Поздравляю, дядя Майк, - подошла младшая сестра, Лера, сияя, с еще одним подносом пустых стаканов, поставив так же ближе к отцу.

- Спасибо, дорогая, - машинально отозвался Майк.

- Чемпион, мои поздравления! – раздался голос со стороны барной стойки.

- Майки, молодец!

- Чемпион! – понеслось со всех сторон.

- Не зря потушил свет, в свое время!

- Ха - ха, Рубильник.

- Спасибо, парни, - встал Майк, махнув рукой посетителям, со стаканом в другой, - На каждый стол, занятый, не занятый, по бутылке!

Через час бар был абсолютно полон, несмотря на раннее еще для вечера время. Вдруг, стали нести большие букеты цветов, со словами, чтобы передал их своей доченьке. Стол быстро был завален, в основном, разноцветными розами. Бобби догадался принести пять ведер под них. Их быстро заполнили. Каждый новый посетитель бара узнавал новость и подходил поздравить Майка и выпить с ним. Для этого Майк попросил Билли принести его специальную бутылку, где виски было заменено чаем.

- Мне нельзя сегодня напиваться, завтра же я поеду к дочери, - подмигивал он иногда, то Бобби, то Билли, то его дочерям.

- Бобби, может всё-таки сейчас поедem к ней? – порывался он не раз.

- Нет, - твердо ответил тот, - Во-первых, завтра выходной, во-вторых, я уже позвонил ей и предупредил, что приедem завтра.

Это была правда, Бобби незаметно сходил к телефону, позвонил Диане и как заговорщик предупредил ее, что все прошло как нельзя лучше, новый отец счастлив и порывается видеть дочь красавицу, но будет лучше, если мы приедem завтра утром или даже к обеду, так как ночь обещает быть долгой и бурной.

Какой-то я болтливый стал, с удивлением подумал о себе Бобби, повесив трубку, попытался нахмуриться, но всё-таки улыбнулся, оглянувшись, не видит ли кто, и поторопился, довольный, обратно за стол, пока место не заняли.

11. Встреча.

Бобби не выпался, когда зазвонил телефон. Почти десять часов, с удивлением отметил он, с учетом того, во сколько они легли спать. Звонил, конечно же, новоявленный отец, пора ехать. Не спал что ли?

- Не мог уснуть, - подтвердил он его догадку, при встрече в холле, наряженный в свой любимый черный костюм в тонкую серую полоску, который одевал только на торжественный повод, черную рубашку и даже серый шелковый галстук, хоть и не любил их носить, - Я хотел один поехать, но обещал же тебе, что вместе поедem.

- А, правда, езжай один, - согласился Бобби, - Я что-то не выпался, - приврал он и, не дожидаясь ответа, пошел обратно к себе в номер, незаметно ворча, что разбудил, но внутренне улыбаясь при этом, поторопился к телефону, у него же неожиданно появилась подруга, с кем он полюбил разговаривать даже по телефону, некое новое чувство, которое ему понравилось, хоть, и не зная об этом.

Диана уже ждала на пороге, стоило Линкольну Майка свернуть с переулка на эту тихую улочку с большими старыми деревьями, где даже утром или вечером редко встретишь прохожего, а не то, что в это время, когда взрослые на работе, а дети в школе или еще где-нибудь учатся, хотя был выходной, видимо, высыпаятся. Она была босиком, в легком сиреновом платье, в явном замешательстве, ломая руки, не зная куда их деть и, взволнованная, топталась, сомневаясь, как себя вести, то порываясь подойти, то делала шаг обратно. Видимо, Бобби явно предупредил ее по телефону, догадался Майк. Прямо как мать, подумал он, увидев ее движения издали, еще из машины, ее осанка, ее порывистость, даже нерешительная решимость, знакомый милый дом, но как-то изменившийся, видимо, после ремонта, кажется, другой цвет. Последние метры он ехал слишком медленно, собираясь мыслями и духом.

Выйдя из машины, он широко улыбнулся и подойдя к крыльцу, развел руки для объятий, она тут же бросилась ему на шею, резко расслабившись и заплакав от облегчения.

- Ну – ну, - погладил он ее по голове, успокаивая, - Все хорошо, теперь все будет хорошо, иди соберись, поедem погуляем, ты мне все расскажешь, я все хочу знать про тебя, смотри, какой хороший день сегодня будет.

Пока она быстро собралась, собственно, надев лишь туфли и быстро немного подкрасившись, Майк принес пять ведер цветов, что напомнило ей детство, когда она маленькая, ниже ростом высоких роз, бегала, по казалась ей тогда большой, но маленькой комнате, увертываясь от их шипов.

- Это мои друзья передали, узнав о тебе, - пояснил он.

- Спасибо. Да, много же у тебя друзей, столько цветов я видела только у мамы, - она опустила лицо в бутоны одного из ведер, замерев на мгновение, напомнив себе забытый запах огромного букета.

- Да побольше, - улыбнулся он, вспоминая.

Весь день они гуляли в одном парке, обедали в дорогом ресторане, затем в другом парке и болтали, болтали и болтали. Вечером посетили школу бокса, выудили оттуда Бобби, сделавшего вид, что оторвали его от важной тренировки, перед чемпионатом города, и втроем уселись в баре за своим столиком. Тут же подошел Билли познакомиться, принес тортик. Майк вызвал его дочерей, познакомил с Дианой и торжественно объявил.

- Властью, дарованную мне судьбой, быть отцом и хозяином этого прекрасного заведения, повелеваю вам подружиться и дарую вам выходной, чтобы вы пошли сегодня танцевать и веселиться, - с этими словами Майк выложил на стол пачку денег.

- А как же? – заикнулся было Билли.

- Знаю, знаю, - перебил его Майк, - Ты без них, как без рук.
- Бобби, - обратился уже к Бобби, - Найдешь кого-нибудь на сегодня, подменить девочек? Любые деньги, по объявлению, может?
- Конечно, - встал тут же он и направился было из-за стола.
- Стой, - остановил его вежливо за плечо рукой Билли, - Не надо, есть у меня пару вариантов, сам позвоню, не хватало мне еще по объявлению, - и пошел за барную стойку одновременно за старыми очками и обшарпанным блокнотом.
- Но, имейте ввиду, таких красивых и дорогих моему сердцу людей я не могу отпустить без охраны. Бобби присмотрит за вами, - продолжил Майк, удовлетворенно.
- Ни за что не пропущу такое зрелище, - присел обратно, довольный Бобби, научившийся улыбаться в последнее время, а другие стали привыкать к его оскалу.
- А ты? Не поедешь с нами? - спросила отца, удивленно, Диана.
- Не хочу мешать вам веселиться, да и танцевать умел давно, и то, только на ринге, - улыбнулся он.
- Ну, пожалуйста, - состроила она плаксивую рожицу губами, но улыбающуюся глазами.
- Ну вот, уже веревки из меня вьет, ну конечно, как скажешь, дорогая, - быстро согласился счастливый Майк.
- Папа, мы можем идти собираться? - спросила у Билли вслед старшенькая, Лора.
- По очереди, пока смена вам не явится, - вроде строго ответил он, обернувшись, и они, явно довольные, упорхнули на кухню.
- Я бы тоже хотела помыться и переодеться, раз такие планы, - сказала Диана.
- Бобби, увези, - положил ключи от машины на стол, прибрав пачку денег в карман, и добавил уже Диане, - Потом мы заедем за тобой, как все будут готовы.
- Хорошо, папа, - вставая из-за стола сделала она ударение на последний слог ласково.
- Довезу в лучшем виде, - добавил Бобби, в том же тоне, звучало это довольно иронично.
- И захвати утренних газет, - добавил Майк ему во след, - А то я пропустил все новости сегодня.

По дороге до дома Диана щебетала как птичка, рассказывая Бобби как они с отцом хорошо провели этот день, где гуляли и как она счастлива, что все-таки послушала маму и сделала эту дурацкую попытку подойти к нему в баре и как долго не решалась это сделать, Бобби лишь довольно ухмылялся.

- Спасибо вам, - сказала она как-то тихо и искренне, когда они подъехали к ее дому и остановились, - Думаю, без вас бы ничего не получилось, - она смотрела на него и ждала ответа, хотела чмокнуть его в щечку, но не решилась, видя это суровое и, казалось, нелюдимое лицо. Бобби лишь кивнул, глядя перед собой на дорогу, поправил ее, - Тебе.

- Ах да, тебе, Бобби, - упорхнула она.

Когда Бобби вернулся, Майк уже ужинал, напротив ждал ужин и для Бобби, накрытый специальной блестящей крышкой от остывания.

- Мне? – на всякий случай спросил он, ложа газеты на дальний край стола.

- Да, посмотри, тебе сюрприз, - жуя, пробубнил тот.

- Выглядит неплохо, - ответил Бобби, подняв крышку, а втянув носом пар добавил, - Пахнет еще лучше.

- А то, мраморная Аргентинская говядина, сегодня доставили, на пробу. Билли и я пока довольны, не хватает главного эксперта, - подмигнул ему.

- Пойдет, очень даже, - отрезав и жуя первый кусок, кивнул Бобби, что означало - превосходно, - А цена?

- Кусается, не по говяжьей, а по волчьей.

- Тогда понятно. Куда поедем сегодня?

- Думаю, Гранд Каньон.

- Неплохо, позвонить туда?
- Уже. Билли позаботился.
- Хорошо.

12. Гранд Каньон.

Гранд Каньон можно с уверенностью назвать самым модным клубом не то, что Нью-Йорка, но и всей Америки. Так как открылся он совсем недавно и над ним изрядно потрудились явно ведущие дизайнеры, художники, мастера, а особенно - ведущие электронщики и электротехники, компьютерщики и осветители стран мира. Поговаривали, что самый влиятельный картель был в доле, через подставных людей, конечно, видимо потому, какие деньги были сюда вложены. Новинки начинались еще с улицы, в виде нескольких экранов у входа, где можно было увидеть сколько народу уже в данный момент находятся за столиками и на танцполе. Далее был большой шанс не пройти жесткий фейсконтроль. Наличие несоразмерных зрачков, страшной рожи или пятнышка на одежде, сам стиль или цена ее, закрывало вам вход ни за какие деньги и уговоры, без объяснения причин. Причем, руководителем этого сканера был настолько плюгавого и мерзкого вида мужчина, что быть с ним под одной крышей не очень-то и хотелось. Одет он был во все яркие цвета радуги, вызывающе безвкусно. Вот его бы точно не пустили. Красные, не туфли, а башмаки, желтые носки, оранжевая рубашка и зеленый пиджак. Только огромная белая бабочка была хоть маленько в тон, а именно к наглой белой роже, худущей, вряд ли принадлежащей человеку здоровому и не курящему, живущему ночью, как вампир, в огромных черепаховых очках, с желтым стеклом и неестественно белыми зубами. Противный тип, чисто клоун, вне его работы рискованно появляться на темной улице в таком виде. Но за спиной его стояла такая внушительная охрана, что он мог себе многое позволить в отношении к посетителям.

Если вам повезет, и он вас пропустит, вы попадете, для начала, в большой зал из отполированного железа. Железный пол местами усеян стеклянными квадратами метр на метр, в них вы увидите нижний этаж, на котором желающие играют в боулинг и бильярд. В зале множество столиков, вся мебель из блестящего такого же отполированного железа, хорошо хоть подушечки на стульях есть, чтобы ничего себе не простудить. В этом зале посетители пьют и едят, общаются, вдоль двух стен тянутся две барные стойки во всю длину, довольно тихо, слышны голоса и звяканье посуды. Громкая музыка периодически врывается лишь через две постоянно открывающиеся двери на танцпол. Танцпол круглый, столов нет, по кругу в два этажа идет зона, где через перила можно стоять и наблюдать за танцующими, а так же за шоу, с напитками в руках, для этого снуют полуголые официантки в белоснежных передниках, а сзади практически голые. С противоположной стороны, от двух входов - сцена, на ней всегда идет шоу и представления, либо кто-то делает вид, что поет под фонограмму, либо танцуют полуголые девушки, похожие на кубинок, в красивых огромных нарядах из перьев. По периметру находятся четыре больших столба, в трех из них клетки, в них танцуют три фигуристые танцовщицы в одних только ниточках на бедрах. На четвертом столбе, справа от сцены, огромная трехметровая механическая горилла, напоминающая Кинг Конга, танцует повторяющийся танец, очень ритмично и натурально. Многие у перил пытаются подражать, но у Конга получается лучше. Музыка грохочет так, что если хочешь сказать что-нибудь, то придется орать в самое ухо, лучше махать руками. Потолок не видно из-за сотни различных фонарей, непрерывно мигающих и крутящихся в разные стороны, но не хаотично, а как по мановению невидимого дирижера. Под ними летает звездолет с открытой кабиной, за рулем сидит, видимо, диджей в тонированном шлеме пилота, крутит головой, поглядывая вниз. Перед ним, как в авиалайнере перед пилотом, пульт управления, ярко мигающий разноцветными кнопками и экранами приборов. Иногда звездолет, летая, опускается вниз под самые головы танцующих, на уровень второго яруса перил и изо всех сопл выпускает такое количество дыма, что на несколько минут становится ничего не видно, пока не рассеется. В такие моменты включается

такое количество мощных стробоскопов, что можно ослепнуть. Внизу можно еще и оглохнуть, если оказаться возле четырех огромных, трехметровых, расставленных по периметру колонок. Если у них задержаться на некоторое время, то стошнит даже трезвого.

Если погулять по клубу, то можно найти много интересных вариантов для времяпровождения и отдыха от громкой музыки, алкоголя и танцев.

Например, есть две небольшие мягкие комнаты, где можно полежать и отдохнуть, пол и стены мягкие, кожаные, куча подушек. Вернуть, так сказать, зрение и слух после танцпола. Есть зимний сад, с натуральными, казалось бы, елочками и искусственным снегом, где есть возможность погулять или посидеть и немного протрезветь в холоде на скамеечке. Где-то в стенах замаскированы несколько входов в банкетки, где обычно отдыхают звезды и миллионеры, первый раз путь туда они узнают только с помощью персонала. Путь в общий туалет идет по длинному узкому коридору на нижний этаж, где боулинг и бильярд, но хода туда нет, для них туалет отдельный. Посередине коридор разворачивается, на этой небольшой площадке стоит фигура Фредди Крюгера в натуральную величину в своем рваном знаменитом свитере. В ней есть датчик движения и, если кто-то проходит мимо сверху, его страшная механическая рука с лезвиями протягивается к вам, чуть ли не касаясь, места мало увернуться, так что в первый раз, можно и не всю мочу донести до места назначения. Остатки можно вылить на большую металлическую стену, если в мужском туалете, по ней постоянно стекает вода, а перед лицом несколько экранов, идет трансляция танцпола онлайн. По другую сторону расположены металлические кабинки с такими же железными унитазами.

Противный клоун широко улыбнулся Майку во весь свой белоснежный рот и даже слишком любезно лично распахнул дверь с некоторым подобием поклона.

- Дамы, - чуть сильнее поклонился он девушкам, которых пропустил бы и одних, следуя политике клуба пропускать красивых и одиноких девиц, слегка улыбнулся Бобби, которого не пустил бы ни за что на свете, если не компания Чемпиона.

- Чемпион, Рубильник, - тут же пронеслось над очередью и теми, кого не пустили, но не уходящих, не потеряв призрачную, бесполезную надежду. Хорошая память зачастую преследует неприятных с виду людей, и кого клоун уже не пустил, то не пустит сегодня точно. И чего они всегда чего-то ждут?

Майк уже бывал здесь, естественно, с Бобби пару раз, потому уверенно прошел за забронированный за ним столик в общем зале, зная дорогу, но следом за официанткой, которая будет их обслуживать. Девушки были первый раз и оглядывая все вокруг, шли за ним, озираясь и обсуждая, как старые подруги, следом Бобби, более внимателен, чем обычно, он не любил такие места, слишком много народу и вскоре все они будут пьяные и развязанные. Стол был рассчитан на шестерых гостей, потому им было довольно комфортно, особенно, в дальнем конце зала, по правую руку в конце барной стойки. Билли знал свое дело, даже ни разу не побывав здесь, он сумел выбрать по телефону любимое расположение Майка. Главное условие – сидеть спиной к стене и видеть весь зал или часть его перед собой. Для Бобби это было обязательно, поэтому он сел рядом, Диана с торца рядом с отцом, с другой стороны, сестры напротив. Пока шли к столику, Майк внимательно рассматривал походку впередиидущей официантки. Настроение его и так превосходное, поднялось еще выше. Как в той поговорке, что деньги к деньгам липнут.

- Бобби, ты посмотри какая, - улыбаясь, он махнул головой в сторону удаляющейся официантки, положившей каждому по одному меню и ярко улыбнувшись при этом, посмотрела в глаза. Видимо, этому их учат.

Бобби посмотрел в след, скривил немного лицо, едва заметно кивнул вправо, моргнув правым глазом, что означало – ничего такая.

- Так, девочки, - растянул Майк руки в стороны и наклонился заговорщицки, чтобы его внимательно слушали, - Бобби сегодня - влиятельный бизнесмен, я – водитель и охранник, так, а вы – сами придумайте, тихо, она идет, подыграйте.

- Мистер Форд, - сказал он, уже выпрямившись и нарочито громко, когда официантка подошла, - Вам удобно? Найти для вас еще несколько подушек?

Официантка, миловидная маленькая и подвижная блондинка, сексуально одетая, чересчур накрашенная и жеманно улыбающаяся мужчинам, принесла поднос с приборами и бокалами, стала расставлять все очень осторожно, непрерывно поправляя. Сестры внимательно наблюдали за ее работой, невольно подмечая ее мелкие ошибочки. Повисла пауза, все исподлобья, скрывая улыбку, переглядывались. Лаура - было написано у нее на бейджике.

- Мистер Форд, - сказала, вдруг, Лора, четко и громко выговаривая слова, через чур серьезно смотря на Бобби, - Мы с сестрой и подругой очень благодарны вам, конечно, что вы выбрали именно нас из всего отдела отпраздновать эту неслыханную и удачную миллионную сделку, но тем не менее, мы, - сделала она ударение на последний слог, - Не хотели бы, чтобы вы на что-то надеялись. Простите, - резко встала из-за стола, и сделав вид, что засмушалась, скомкав, бросила салфетку, спросила официантку, - Где тут у вас дамская комната? – направились по указанию ее руки. Сестра вскочила следом, со словами, - Простите, мистер Форд.

- Простите ее, мистер Форд, я их успокою, все будет хорошо, - встав и еле сдерживая смех, упорхнула Диана тоже за ними.

- Мне остаться или присмотреть за ними, мистер Форд? – спросил Майк, учтиво.

- Сиди, куда эти курицы не денутся, - махнул рукой по-хозяйски Бобби.

Лаура достала блокнот, ручку, сделала вид, что готова принять заказ.

- Шампанское? Кристалл? Как всегда? – подсказал Майк, обращаясь к Бобби, так как Лаура хотела уже задать вопрос и открыла было рот.

- Да, две бутылки, швейцарский сыр и шоколад, виноград без косточек, фруктовую тарелку, - беспечно сказал Бобби, - И этот, как его? Ладно, тащи пока что есть.

Дружно посмеялись, когда, записав заказ, Лаура удалилась, уже сильнее качая бедрами, став улыбаться еще больше Бобби.

Посмеялись и вместе с девочками, когда они вернулись. Они просто погуляли по клубу, осмотрелись и были в восторге.

13. День рождения.

Санни Скиолаччи тоже присутствовал в этот знаменательный и роковой для всех день в Гранд Каньоне, так как был приглашен на День Рождения, точнее Юбилей Джона Тернера, своего друга и капитана команды по футболу. Ему исполнилось тоже двадцать лет не так давно, но празднование перенесли, чтобы приурочить его к окончанию студенческого чемпионата по футболу. Повод был, так как команда их, обычный середнячок в таблице, в этом году добилась успеха, впервые в истории попав в пятерку лучших. Родители Тернер были весьма обеспеченные люди и могли себе позволить пригласить абсолютно всю команду на торжество, но Джон отказался, предпочёл пригласить добрую половину команды и еще нескольких своих друзей, не имеющих к ней отношения. Дело было к некоей клановости в команде, кто-то с кем-то дружил, некоторые не очень, кого-то он просто ненавидел, а некоторых хотел приблизить. А так получалось, собрав преданных людей и пригласив сомневающихся, перетянуть их на свою сторону, укрепив тем самым свое положение капитана. Как говорится, двух зайцев, преследовал он разом.

Команда футболистов была, естественно, самая большая и шумная компания в клубе. Для них были сдвинуты несколько столов, но повезло, неизвестно кому, что по противоположную сторону общего зала от стола Майка. Зал со столами располагался широкой буквой П, а между ними как раз располагался полукруг танцпола со входами, так что они даже не видели и не слышали друг друга, как бы громко не кричали тосты футболисты и хохотали над около-спортивными шутками. А вот соседям их явно не повезло, те уже предвидели, что конфликтов не избежать, видя какой неспортивный темп был взят по спиртному и как все громче и развязнее они себя вели. Оставалось уповать лишь на надежность охраны, но со стороны было видно, что физический перевес в килограммы-мускулах явно складывался не в ее пользу.

- Предлагаю выпить за капитана! - самый частый тост постоянно разносился над доброй половиной зала.

- За Джона! - отзывался хор голосов, - Будь здоров! С Днем Рождения!

- Теперь давайте выпьем за лучшего бомбардира этого сезона!

- За Ивана! Ваня, за тебя! Ты лучший!

- А я предлагаю выпить за самого мелкого, но быстрого сукиного сына!

- Ха-ха-ха!

- За Муху? Ха-ха-ха.

- Да. За Муху!

- Никто кроме него так не пролетит по краю!

- Ага, без мяча и незаметно!

- Ха-ха-ха! Ни жужжа!

- Мохаммед, за тебя!

- За лучшего игрока сезона!

- Санни, за тебя! Ты лучший!

- Как всегда!

Только часто открывающаяся дверь на танцпол могла перебить эти крики на время. Музыка там долбила, всё-таки, будь здоров как громко.

За столом Майка тоже было весело. Дорогое шампанское, плюс веселая игра в кошки-мышки с невольным участием официантки Лауры и Бобби поднимало всем и так уже хорошее настроение.

- Можно, мы потанцуем? – на правах старшей, первой спросила Лора.

Так дошло время и до танцпола, мужчины направились за уже танцующими на ходу девушками. Только пройдя специальные шумопоглощающие двери Майк, а следом Бобби свернули направо, в первый ярус за перила, чтобы внимательно наблюдать за происходящим, а не участвовать.

А то, что происходило на танцполе сразу не понравилось Майку, настолько, что это почувствовал Бобби шестым чувством или тем, как вцепился в перила Майк. Их танцующих девушек сразу, вроде бы невзначай, танцуя, облепило несколько высоких красивых и спортивных парней, но как-то нагло себя ведущих, распуская руки, один из них сделал такие движения, как будто трахал, пошлепывая, Диану сзади, но так, что девушки не видели. Стоило им отвернуться, он повторял эти действия, чем приводил в восторг своих друзей, и они все ближе подступали к ничего не подозревающим девушкам. Диана, почувствовав что-то по их насмехающимся лицам, резко повернулась, но тот успел сменить похотливый взгляд на неучастный, смотря куда-то вверх на летающий звездолет. Из-за громкой музыки она не могла слышать смех его друзей, но Майк его увидел. Не хуже той обезьяны он перепрыгнул через перила. Двое мужчин, попавшись на его пути, упали. Бобби побежал следом, но в обход по перилам, расталкивая любопытных, делая кассу официанткам разбившимися бокалами. Когда он добрался, расталкивая всех, то застал Майка, поднявшего за грудки бледно малинового дорогого пиджака молодого человека, болтающего ногами в полуметре от пола, испуганного настолько, что лучше бы его команде этого не видеть. Два охранника в униформе, во всем черном и большими белыми буквами на спине и груди Стафф, гладили с двух сторон Майка по плечам и, судя по губам, уговаривали его успокоиться. Он медленно, молча, поставил его на пол, оттолкнул от себя так, что тот попятился так сильно, что, пытаясь и махая руками, попытался устоять, но всё-таки шлепнулся на пятую точку. Майк кивнул охраннику, обнял сестер, махнул головой Диане в сторону двери, кивнул Бобби, и все они направились на выход, в сторону своего стола.

Вернувшись, Бобби быстро наполнил бокалы и властно заказал Лауре еще бутылку. Девочки, потупясь и чувствуя свою косвенную вину, помалкивали.

- А что случилось, что за тишина? – поднял свой бокал вверх как ни в чем небывало, для тоста, спросил Майк, - Давайте выпьем за моих любимых красавиц, перед которыми не сможет устоять ни один мужчина на свете, не то, что в этом вонючем клубе, - и по заплетающейся его речи почувствовалось, что он довольно пьян, особенно для Бобби, который весь вечер поднимал для тоста и ставил на место один и тот же наполненный бокал.

Через некоторое время подошел молодой высокий атлетично сложенный черноволосый парень с чересчур гелем зализанными волосами и бутылкой шампанского в руках. Не Кристалл, но тоже, довольно, дорогой.

- Простите, мистер Майк, - обратился он сразу к Чемпиону, - Я Джон Тернер, капитан команды этих обалдуев, и хотел бы за них извиниться, - показал он бутылку и стал ждать вердикта.

- А, Джон, - обратился у нему Майк, как к старому другу, - Хорошо, что пришел, падай, - показал он на пустое место напротив себя. Там не было стула, но, покрутив головой, Джон нашел пустой, неподалеку, за соседним столиком и принес его, сестры немного подвинулись, вместе со стульями, и он присел на указанное место.

Пока Джон открывал принесенную бутылку, Майк допил свой бокал и подставил к рядом с поданным Бобби, для Джона. Тот налил в два бокала, попытался подлить каждому, но все остальные оказались наполненными.

- Мистер Майк, - несколько волнуясь, начал Джон, кивнув ему, перевел взгляд на Бобби, замешкался.

- Бобби, - помог ему Майк, и продолжил представлять дальше по кругу, - Диана, Лора, Лера.

- Очень приятно, - кивнул каждому по отдельности Джон, - Простите моих друзей, пожалуйста, это я виноват, пригласил и, видимо, чересчур напоил их, дело в том, что у нас двойной праздник, это мой День Рождения, Юбилей даже, и окончание чемпионата, где мы выступили не так уж плохо, вру, отлично выступили, хоть и не победили.

Майк первым протянул ему бокал, чтобы чокнуться, за ним все остальные.

- Ты молодец, Джон, с Днем Рождения, - сделав глоток в добрую половину бокала, сказал Майк, ставя, - Настоящий капитан, прийти и извиниться за всю свою команду, это о многом говорит, - Майк привстал и подал ему руку для рукопожатия, через стол.

- Спасибо, мистер, - подскочил Джон, тяня руку, чтобы пожать, с благодарностью, — Это большая честь для меня.

- С Днем Рождения, Джон, - поздравил Бобби, девочки повторили поздравления.

- Спасибо, - кивнул он каждому в ответ.

- И запомни, - продолжил Майк, - Хотя, ты и так знаешь, один – ты никто, а в команде – ты монстр, это я тебе говорю, хоть и выступал в индивидуальном виде спорта, а не в командном, где это правило во сто крат важнее.

- Да, да, я отлично понимаю, о чем вы. Постоянно твержу своим пацанам, - закивал радостно Джон.

- А, Джон, вот ты где, - перебил их, подходя, другой молодой человек, в компании еще с одним, с Санни Скиолаччи, – Мы весь клуб перерыли в поисках тебя, а вот где ты спрятался.

- Ого, какие цыпочки, - сказал Санни, - Теперь понятно, на кого ты нас променял. Я бы тоже так сделал, а ну, познакомь, - попытался он скинуть руку друга с плеча и подойти к Диане, уставившись на нее и не замечая остальных.

Бобби быстро встал и тут же преградил ему дальнейший путь, заставивши его сменить фокус взгляда своей массивной фигурой, а товарищ его сильнее в него вцепился, оттаскивая на себя, подальше от Бобби.

- Ого, какая горилла, - пролепетал Санни, оценивая Бобби глазами, - Потанцуем? – и вырвавшись, стал неумело подражать то механическому Кинг Конгу, то боксеру в стойке на ринге.

- Не рекомендую тебе этого делать, - сказал Майк в сторону Санни.

- Извините, еще раз, - опять сказал Джон и быстро поднялся, - Я лучше уведу их, - и быстро, подхватив этих двоих и растащив друг от друга, за руки, каждого потащил, буквально прочь, хоть те и пытались сопротивляться, особенно Санни.

- Вот почему, я не хотел отпускать вас одних, - назидательно глядя удаляющимся спортсменам в спину, сказал Майк.

- Майки, может домой уже поедет? – неожиданно проявил инициативу Бобби, и выразительно подмигнул Лоре.

- Да, дядя Майк, - поддержала его Лора, - Можно уже и домой, мы устали.

Лера выразительно выпучила на нее глаза, но та, глянув быстро, не видит ли Майк, так на нее цыкнула одними губами, что та быстро потупилась.

- А что так? – удивился Майк, - Еще не танцевали путем.

- Да там так музыка грохочет, можно оглохнуть, - высказалась за всех, опять, Лора.

- Принцесса, - положил свою огромную кисть на маленькую ручку Дианы, - А ты как думаешь? Как скажешь, так и будет.

- Пожалуй, - немного замешкалась она, оглядывая остальных, ища подсказки, все поняв, сказала с некоторым сожалением, - Да, мне здесь не очень нравится, шумно очень.

- Как скажешь, дорогая, - согласился Майк, - Зови свою, - подмигнул уже Бобби, - Пусть тащит счет.

- Мы тогда носики попудрим, перед дорогой, - встала Лора, остальные девочки, как по команде, пошли с ней в сторону туалета, переговариваясь на ходу.

Глотнув еще шампанского, Майк покрутил головой, не увидел ничего интересного, точнее Лауры, встал, достал портмоне, небрежно бросил на стол со словами, - Рассчитайся, мне тоже пора отлить, - и направился в ту же сторону, - Чаевые Лауре оставь хорошие, - махнул рукой и пошел пошатываясь, но успел добавить на ходу через плечо, ухмыляясь, - И телефончик запиши.

Бобби тоже поднялся, положил в карман портмоне и стал наблюдать за ним, отпустив метров на пять, пошел следом. Тут Лаура попалась ему навстречу, он попросил рассчитать их. Явно огорчившись, она уставилась на него, со словами, - Вы уже уходите? Как жаль.

Но Бобби уже не был с ней так любезен, пропустив слова мимо ушей и даже отодвинув мягко с дороги, смотрел только, как бы не потерять Босса из виду, последовал следом, голова Майка отсвечиваясь от светильников, шатаясь, возвышалась над толпой, удаляясь.

Бобби догнал и застал Майка в туалете, выпускающего отовсюду пар у этой огромной металлической стены-водопада, пялившегося в телевизор. Незамеченный, прошел мимо в кабинку за спиной, но не воспользовался ей по назначению, а стал следить поверх двери, прижав левой ногой на цыпочки, а правой оперевшись в металлический отполированный унитаз.

Майк долго паялся в телевизор, долго тряс, долго прятал и, наконец, застегнув ширинку, пошел на выход. Бобби уже не стал так далеко отпускать его, чтобы видеть постоянно, пришлось идти в паре метров.

Когда Майк поднимался наверх, по узкому коридору, миновав Фредди Крюгера, он увидел и услышал впереди какой-то затор, подняв глаза он почувствовал, как его глаза, как говорят – наливаются кровью, потому что увидел наверху по лестнице, как Диана, резко развернулась и вцепилась такую громкую пощечину какому-то парню, идущему следом, что было слышно даже через приоткрывшиеся в этот момент двери танцпола. Лестница была круто вверх, Майк ринулся по ступеням, между ними был какой-то молодой, арабского вида парень, Майк дернул его за одежду на спине пятерней с такой силой, что оказался она не джинсовой, вырвал бы клоч, а так тот полетел по лестнице кубарем вниз. Теперь Майк схватил парня, которому вцепилась пощечину Диана, развернул его правой рукой, припер к стене и нанес ему такой хук слева, что тот полетел вниз по коридору, но уже не по ступеням, как его предшественник, а по воздуху и врезался вместе с тем парнем в джинсовку во Фредди Крюгера.

Бобби шел за ним, поднимаясь по лестнице, Майк миновал поворот у Фредди Крюгера, но стоило Бобби повернуть следом, как увидел, что ему под ноги катится какой-то парень, Бобби подвинулся, проследил за ним взглядом, как тот свалил Фредди, не успевшего даже среагировать своим датчиком на движение и вытянуть руку с кинжалами. Заподозрив неладное, Бобби быстро поднял глаза наверх, чтобы увидеть Майка, как тут же инстинктивно увернулся боксерским нырком, как от удара, от другого летевшего парня уже по воздуху, они создали кучу-малу с Крюгером, который все еще пытался протянуть руку, хорошо, что руки-ножи были сделаны из мягкого гнущегося пластика.

Мельком глянув на эту кучку людей живых и не очень, Бобби увидел, что Майк стоит на том же месте, смотрит на них сверху вниз, а Диана и Лера безуспешно тянут его за обе руки прочь наверх, где стоит Лора выше на несколько ступенек и кусает губы.

Еще раз глянув на упавших, он увидел, как молодой парень в джинсовке, кажется, арабского происхождения, безуспешно пытается выбраться. Легко, как пушинку, он выдернул его наверх, второй парень лежал лицом вниз без движения, рука Крюгера тыкала ножами воздух из-под него. Заниматься парнем времени не было, нужно было позаботиться о своей компании.

Лишь с помощью подросшего Бобби удалось им увлечь Майка обратно за стол. Там, усевшись, раздраженный еще Майк опять потянулся за открытой почти что полной бутылкой шампанского, а Бобби, сказав всем, чтобы никуда не уходили, вернулся посмотреть последствия.

К лестнице вниз было уже не пробиться, столько народу пыталось пройти и туда и обратно.

- Что случилось? – раздавались кругом крики.
- Человеку плохо.
- Скорую вызвали?
- Да тут таких полно. Что, каждому скорую вызывать?
- Санни избили до полусмерти! – услышал он сзади.
- Кто?
- Что? Что случилось?
- Да это те ублюдки, наверное, с соседнего стола.
- Точно, русские, мочи их, пацаны.

Послышался звон разбитой посуды, загремели падающие стулья.

- Охрана! - завопил женский вопль, - Помогите!

Бобби развернулся, но оказался зажат другой, новой волной из людей, бросившейся на выход из клуба. По левую руку от него, в крыле, где были столы спортсменов, разразилась нешуточная драка, полетели бутылки, истошные крики. Лишь, благодаря своей физической силе и лицу, от которого все встречные шарахались, он смог вернуться за стол.

- Нам пора сваливать, - выпалил он, застегивая расстегнутую до живота, в давке, рубашку.
- Ты рассчитался? – спросил, казалось, протрезвевший, Майк.

Как раз в этот момент подошла с чеком Лаура. Щедро рассчитавшись, без сдачи, стодолларовыми купюрами, они влились в толпу выходивших из клуба.

14. Наутро.

С раннего утра у кафе Сицилия происходили настолько редкие действия, что увидишь только в фильмах Скорсезе. Подъезжали большие черные машины, выходили крупные или просто солидные мужчины, молча, одетые в черные дорогие костюмы, черные туфли, белую рубашку, черный галстук. Единственное различие – это черные очки и черные шляпы, на ком-то были, на других нет. Кафе быстро забилося, остальные кучковались на улице по три – четыре человека, некоторые курили у большой высокой пепельницы. Постоянно кто-нибудь заходил внутрь или выходил наружу.

Фрэнки, и так похожий на тучу, был мрачнее всех туч мира сегодня. На нем не было лица, он шатался по своей кухне как зомби, пытаясь что-нибудь приготовить, видя, сколько гостей, но постоянно путался, на какой плите какое блюдо готовится, солил ли, добавил приправу или нет? Постоянно что-то подгорало или, закипев, бежала пена. Еще этот телефон постоянно трезвонит громче обычного в этой тишине. Сначала он сам брал трубку, потом поручил Рыжему, затем, в сердцах, выдернул шнур.

- Нет! – вдруг он рявкнул так, что замолкла сама тишина, - Тонни сейчас позвонит, - сказал он назидательно, с уверенностью и с надеждой, погрозил пальцем так, что Рыжий чуть не обжегся, ничего не успев сделать, и протянул ему только что выдернутый шнур. Рыжий понял, что это дело всей его жизни – не прозевать этот звонок и быстро воткнул обратно.

- Аль, - обратился он затем к первому попавшемуся, - Закажи всем пиццу, сам знаешь у кого, сил моих нет готовить, - переключил все плиты на ноль и сел на табурет, глядя куда-то в сторону духовки. Он не видел, как жена его сидела на второй сверху ступеньке наверху, не спуская с него глаз, сложившись пополам, вся в черном, в черном платке, с двумя пузырьками таблеток, теребя их в руках, то вскакивая, чтобы спуститься, то вернувшись, спускалась на одну ступеньку ниже, чтобы лучше было его видно, кусая губы, то опять поднималась выше, чтобы он ее не заметил.

- Мама, что делать? Чем помочь? – то и дело раздавался вопрос за ее спиной, на что она лишь отмахивалась, не пуская дочерей вниз.

Вновь прибывшие, здоровались со всеми лишь кивками головы, а к Фрэнки опасались даже подойти. Все ждали Тонни. Зашел Майкл Манчини, лишь он, не обращая внимания ни на кого, направился сразу к Фрэнки. Тот, увидев черные ботинки перед собой, черные брюки, подняв глаза, встал, изобразил жалкое подобие улыбки, обнял его.

Многие стали шепотом переговариваться. Не все видели Манчини, но слышали о нем абсолютно все.

Они выглядели нелепо, наверное, как сын с отцом. Огромный толстяк почти закрыл своими пухлыми ручищами щуплого паренька, прижимая к своему пузу, руки которого пытаясь обнять, лишь легли тому на бока.

Майкл резко выделялся из этой массы черноволосых итальянцев, невысокий молодой худой блондин в очках, смахивающий на студента какого-нибудь Йеля. Если бы старушка, сидя на вокзале с чемоданом, захотела отлучиться, например, в туалет, то осмотревшись, она бы попросила именно его присмотреть за ее вещами. Лишь немногие знали, что волосы крашенные, а в линзах его очков обыкновенное стекло, огромная нелепая широкополая шляпа скрывала лицо его до подбородка.

- Тебе не нужно было приходить сюда, - тихо сказал Фрэнки и повел его подальше вглубь кухни, обняв за плечо и закрывая его от остальных, как лебедь закрывает большим крылом птенца от опасности.

- Но я не мог не прийти, - растерянно пробормотал Майкл.

- Да, понимаю, - кивнул головой Фрэнки, - Такое несчастье.

Особо громко зазвонил телефон. Рыжий резко схватил, поднес к уху, сразу, молча протянул трубку Фрэнки, тот, тяжело вздохнув, облапил ее своей ручищей, тихо сказал в нее, - Тонни.

- Хорошо, - через мгновение сказал в ответ, протянул обратно Рыжему.

- Парни! - громко объявил он, - Все по домам, кафе закрывается, сегодня ничего не будет, будьте на страже и телефонах.

Заскрипели стулья, в тишине все потянулись на выход.

- Поехали к нему, - сказал он Майклу, когда стало почти пусто.

- Мария, - наверху, на лестнице, не спуская с него глаз, позвала жена его дочку по-итальянски, - На, догони его, сунь в карман таблетки, но так чтобы все не видели.

На улице захлопали дверки автомобилей, все стали рассаживаться и разъезжаться.

- Ты на машине? – спросил Фрэнки у Майкла, поведя массивной головой вверх и вниз по улице, когда они вышли последними. Своей у него не было, так как он никуда не ездил, в принципе. А если бывала такая необходимость, он мог выбрать любую стоящую рядом, вместе с водителем.

- Оставил за два квартала, как обычно, да и нельзя на ней к дому Тонни подъезжать, - ответил Майкл, доставая сигарету и предлагая другую Фрэнки, - Да и поверь мне, ты не влезешь в мой скромный Опель, - первый раз улыбнулся он за день.

- Да, туплю сегодня, - пробурчал Фрэнки, - Может, от таблеток этих, что пичкает жена, то ли от сердца, то ли от давления, а сегодня, кажется, все вместе.

- Ну уж точно, не от похудения, - опять улыбнулся саркастически Майкл.

Как будто в подтверждение словам Фрэнки, подошла Мария, сказала, - До свидания папочка, - потянулась на цыпочках поцеловать его в щеку, он нагнулся, иначе бы она не дотянулась, сунула тем временем два белых пластиковых бутылка в карман пиджака и упорхнула обратно в дом.

- Во, видал? – похлопал он себя по этому карману, который загремел, как детская погремушка, - А когда я отказываюсь, подсылает кого-нибудь из этих спецагентов, которые обучались как в Моссаде, как жилы из меня тянуть.

- Эй, Кастелло, - махнул он рукой ближайшей тронувшейся машине, - Выгружай парней, повезешь нас к Тонни.

Двое парней вышли из остановившейся машины, с почтением придерживая двери, пропуская вперед этих необычных и таких разных друзей. Оба сели назад, машина угрожающе, как на крутом повороте, накренилась в одну сторону.

У ворот дома Тонни стояли двое крупных парней одетые в черные костюмы, белые рубашки и черные очки, похожие как братья, правые карманы пиджаков выразительно оттопыривались в стороны. Еще издали узнали они подъезжающую машину и отворили массивные, красивой ковки, железные ворота, но Фрэнки велел высадить их здесь и ждать. Поздоровавшись лишь кивком головы, Фрэнки направился прямо к дому, по ровно коротко подстриженному зеленому газону как по ковру. Майкл же, немного замешкавшись, пошел направо по кругу по асфальтированной автомобильной дороге, доставая сигареты.

Сзади скрипнули тормоза, захлопали двери автомобиля, Майкл через плечо, украдкой, заметил подъехавший белый фургон с надписью Новости, поднял воротник под самые полы шляпы.

- Отодвиньте их подальше от ворот! – разъяренно крикнул охране Фрэнки, развернувшись.

Подошли к дому они одновременно, Фрэнки довольно запыхавшись.

Тонни Скиолаччи сидел на веранде дома в искусно вырезанной из дерева, уложенной подушками кресле-качалке, укрытый от шеи до пола коричневым кашемировым пледом, так

что было не видно, во что одет, и одет ли вообще, судя потому, что лишь носки домашних тапочек торчали из-под пледа. Справа от него на таком же резном столе стояла большая квадратная толстого стекла бутылка виски, сразу видно - редкого и дорогого сорта, наполовину пустая, большое металлическое ведро для льда с щипцами, почти до верху запотевшее. Рука на коленях сжимала большой пустой стакан для виски, голова его была откинута на подушку, на глаза надвинута черная шляпа, казалось он спал.

- Привет, парни, - глухо сказал он, когда, возможно, почувствовал, как солнце загородила туча и сдвинул шляпу назад. Глаза его были красными, капли слез сохли на веках.

Фрэнки бросился было к нему раздвинув руки, но услышал успокаивающее, но решительное, - Не надо, Фрэнки. Рад тебя видеть Майкл. Присаживайтесь, принеси бокалы, Майкл, в доме никого нет.

- Значит так, Фрэнки, - начал, с виду абсолютно трезвый Тонни, когда все расселись с бокалами в руках, - Пришли ко мне организатора похорон, этого, как его?

- Инзаги, - подсказал Майкл.

- Да, Инзаги.

- Может, я сам всем займусь? – робко спросил Фрэнки.

- Нет, я сам. Ты займись Чипом и Дэйлом,пусти их по следу. Я хочу знать все, что происходило в этом чертовом клубе вчера, кто был, что ел, сколько выпил, о чем говорил. И если Санни кого-нибудь трахнул в туалете, я хочу знать, чья это жена, какого цвета ее белье и сколько раз она кончила.

- Босс, я найду кто это сделал и принесу тебе их сердца, - спокойно и уверенно сказал Майкл.

- Я знаю, Майкл, но дай фору два дня этим гончим, если не будет результата – действуй.

Майкл склонил голову в знак понимания. Недолго помолчали, отпивая виски, обдумывая. Майкл достал пачку сигарет, но сунул обратно. Тонни покачивался в кресле, а Фрэнки вытирал лоб платком, хоть и было еще прохладно. Солнце уже яркое, но еще не пекло, стремились к зениту, дул приятный освежающий ветерок, день обещал быть прекрасным, но только в плане погоды.

- Я узнал уже, что Санни был на Дне Рождения капитана команды Тернера, я мог бы пока начать общение по одному из команды, по очереди, - вкрадчиво начал было Майкл, но Тонни перебил его.

- Потерпи Майкл, я знаю, тебе не терпится, но пусть начнут они, там камеры наблюдения все-таки, оттуда все должно проясниться. Так что не будем тратить время, езжайте, ищи этих двух дебилов, Фрэнки. Пусти их по следу срочно, пока другие копы не добрались, я сам хочу разобраться с виновником. По одному - они тупые копы, но, если их сложить - получится один хороший детектив.

Майкл тут же вскочил, а Фрэнки с трудом выбрался из глубокого и маленького только для него, такого же кресла-качалки.

- Тонни, - кивнул головой Майкл на прощание.

- Держись, друг, - сказал Фрэнки, потом спохватился, сунув руки в карман и достав пузырьки с таблетками, громко позвенел содержимым, - Тебе не надо?

- Нет, у меня есть, - кивнул на бутылку Тонни, - Пока, скажите парням, чтобы никого не пускали, кроме этого, как его, Инзаги.

Обратно направились тем же путем. На этот раз Майкл обогнал товарища и ждал, закулив, у машины, а Фрэнки раздал распоряжения парням у ворот.

Фургон, к счастью, уехал, видимо парни прилично напугали его.

- Кто-нибудь знает из вас Инзаги, гробовщика?

Оба кивнули.

- Когда он придет, один из вас пойдет и доложит Боссу, я не видел рации на веранде, потом запустите, как скажет, пешком, - сделал ударение на последнее слово, затем продолжил,
- Сколько вас на ночь остается?
 - Обычно один, - ответил, видимо, старший из братьев.
 - С сегодняшнего дня - двое, - отрезал Фрэнки и пошел к машине.

15. Чип и Дэйл.

Чиполино и О.Дэйли были настоящие их имена. Но все звали их Чип и Дэйл. Кто и когда прилепил им эти прозвища, уже не помнилось, но прилипло накрепко. Они даже друг друга стали так называть. Сразу видно, что это были итальянец и ирландец.

Марио Чиполино был крупным мужчиной, высокий, широкоплечий, но давно потерявший спортивную форму, если имел ее когда-нибудь. В остальном он очень следил за собой – всегда чисто выбритый, с зализанными гелем волосами назад, всегда в черном, иногда в полоску дорогом костюме, белоснежной рубашке, блестящих черных туфлях, темных очках, он был бы похож на кинозвезду, если бы не лишних килограммов тридцать. Однажды, в полицейском участке, кто-то обратил внимание на фотографию Аль Капоне, висевшую на стене рядом с Марио Лучиано, Дилинджером и другими знаменитыми бандитами прошлого, сказав, как похож на него Марио. Приглядевшись, ему понравилось это сравнение и с тех пор он, так же как Аль Капоне на фото, ходил в костюме без галстука, расстегнув пару верхних пуговиц, кроме официальных приемов или визитов к большому начальству. На среднем пальце правой руки носил огромную золотую печатку, что вкупе с большим пухлым кулаком представляло собой солидное оружие, которым он часто пользовался, без всяких сомнений, не задумываясь о последствиях. Общаться с людьми предпочитал через большую, не обязательно подкуренную сигару, тоже как на фото.

Конор О.Дэйли так же был крупным, немного выше товарища, но поджарым, скорее долговым. Огромные кулаки на длинных сильных руках были еще опаснее чем у Марио. Обоим им было около сорока. Типично ирландское упрямое лицо с большим носом и ушами, массивным подбородком, короткостриженные рыжеватые темные волосы. Костюмы и рубашки он не любил, так как гладить утюгом не умел и не хотел, как и его жена, вечно занятая непонятно чем, потому носил обычно джинсы и шерстяные или кашемировые пуловеры, мощные замшевые ботинки. Сигарам и сигаретам предпочитал ирландский, конечно же виски, что возил во фляжке в подлокотнике автомобиля, к которой мог приложиться в любое время, начиная с раннего утра. Выходя из машины, брал с собой два оружия, фляжку и пистолет. Один большой глоток он делал обычно исходя из своего психологического состояния или настроения. Например, когда он выходил из себя и хотел уже ударить какого-нибудь упрямого подозреваемого, делал глоток и это спасало их обоих, потому как последствия могли быть катастрофическими, особенно для этой наглой рожи, которая пудрит ему мозги, пусть лучше Чип ему вмажет, у него удар послабей, успокаивался он, с разливающимся теплом по крови в тело.

Наверно, только их жены и дети видели их по одному, все остальные – только вместе. Третьим их напарником был большой черный шикарный двухдверный Кадиллак, совсем не похожий на полицейскую машину. В полицейскую машину Кадиллак превращался, когда водитель прилеплял на крышу мигалку на магните и включал сирену. За руль садился обычно проспори́вший какой-нибудь спор накануне, точнее, сумму дневных споров. А спорили они всегда.

- Спорим, откроет женщина? - говорил Чип, подходя к двери дома, допустим, подозреваемого.

- Идет, - отвечал стучащий уже в дверь Дэйл.

- Один – ноль, - улыбаясь тихо говорил ему в спину через полминуты Чип, и уже громко, - Здравствуйте, миссис Марпл, муж дома?

- Ты провел меня, грязный коп, - ворчал по дороге обратно к машине Дэйл, - Кто еще может открыть рабочим днем дверь, когда приличные люди на работе?

- Ты сам согласился, никто не тянул тебя за язык, - отвечал довольный, началом дня, Чип.

- Ты специально ждал, когда я постучу, чтобы не дать время подумать, - ворчал Дэйл, - Ничего, я еще проучу тебя.

То, что они самые «грязные копы» знали все, начиная с последнего стукача-наркомана и заканчивая мэром Нью-Йорка. Но с этим не то, что не могли ничего поделать, никто не хотел с этим ничего делать. Всех это устраивало. Они давали результат. И главное – они давали результат, когда это было особо важно, для начальства, для прессы, мэра и прокурора, когда все методы добиться его зашли в тупик. Тогда их спускали с поводка, делая намек – делайте, что хотите, но это убийство должно быть раскрыто. Тогда они делали что хотели и убийство было раскрыто. Местом их службы был убойный отдел, самый престижный отдел любого города Америки, но сунуть свой нос они могли в любое дело, касалось оно убийства или нет. Ведь, теоретически, это могло быть покушение на убийство. Особенно, если это касалось мафии, итальянской и ирландской, в первую очередь. Каждый полицейский города знал, что расследования преступлений этих мафий должно вестись с их ведома или участия. Зачем, например, безуспешно гоняться за убийцей полицейских или маньяком-насильником, если мафия могла сама выдать их с помощью одного лишь разговора, с кое кем. Выбить показания силой, подбросить наркотики или улики было их обычным методом работы. Бывали случаи, когда только что приплывший на корабле с родины итальянец, ни слова не говоривший по-английски, назвав чужое имя, признавался с помощью переводчика в убийстве недельной давности, довольный что, отсидев, останется жить в Америке. Даже, согласного на электрический стул могли они найти, если это было нужно сильным мира сего. ФБР и другие службы тоже не чинили им препятствия, так как пользовались иногда их знаниями, связями и услугами, когда не хотели пачкать руки или нужно было о чем-нибудь попросить или договориться с одним из Боссов или со всеми сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.